

Комедийный боевик

Кондратий Жмуриков

Золотой утенок

«Научная книга»

Жмуриков К.

Золотой утенок / К. Жмуриков — «Научная книга»,
— (Комедийный боевик)

Олег Парамонов, мошенник и плут, проиграл в карты крупную сумму воровскому авторитету и решил бежать из Москвы. Уехал он далеко, в маленький городишко Тулупинск, где опять взялся за старое. Мошенник он был гениальный, и голова его была набита кучей всяких идей. Развернулся он вовсю и даже организовал финансовую пирамиду «Городок развлечений». Акции липового предприятия стали покупать солидные люди. И надо такому случиться – его показали по ТВ, и передачу увидел тот самый авторитет. Приехал в Тулупинск и поставил Парамонову условие – чтобы вернуть долг и остаться в живых, Олег должен жениться на местной миллиардерше...

Кондратий Жмуриков

Золотой утенок

Ранним утром на вокзале провинциального города Тулупинска, жители которого себя провинциалами не считали, появился молодой человек весьма примечательной наружности. Высокий блондин с чуть выющимися волосами, голубыми глазами, спортивной фигурой, в хорошо сшитом костюме. За молодым человеком, а сколько ему лет, сказать было затруднительно, так как лицо его постоянно менялось, тянулся шлейф умопомрачительного аромата не то «Кензо», не то «Хуго Босс». Но по запаху можно было определить, что молодой человек не из простых, не из рабоче-крестьянских.

– Прощу, – протянул он руку кому-то, выходящему из СВ поезда, прибывшего в Тулупинск прямо из Москвы. На перроне появилась солидная дама с тройным подбородком, здоровенными бриллиантами в ушах и усиками над верхней губой. Несмотря на дорогой прикид «от кутюр», явно из столичных бутиков, дама смахивала на буфетчицу времен застоя. То ли маленькие, заплывшие жиром глазки, то ли огромные камни в ушах и россыпь колец на пальцах, то ли выражение лица, выдавали в женщине работника торговли, удачно разбавлявшего в свое время пиво или торговавшего дефицитом.

Дама конфузливо улыбнулась, но за предложенную руку взялась. Она с грациозностью беременной слонихи выпорхнула на грязный, заплесканный асфальт. Следом за ней появились объемистые кожаные чемоданы. Женщина покрутила головой в поисках носильщика. Однако в этот ранний час носильщики города Тулупинска еще дремали в своих кроватях. Они пропустили появление в городе Тулупинске нашего героя, а значит, и не появятся на наших страницах.

– Тьфу, ты черт! – выругалась женщина. – Придется тащить все на себе. Зятек тоже не соизволил оторвать свой зад от кровати...

– Мадам, какие пустяки, я с удовольствием помогу вам, – произнес молодой человек. – Я с радостью сделаю для вас большее, – добавил он, покрываясь легким румянцем.

Молодой человек перекинул через плечо свою спортивную сумку – других вещей у него не наблюдалось – и подхватил баулы женщины. Широким шагом он двинулся к выходу в город, женщина засеменила на своих коротеньких ножках вслед за ним.

Они вышли на стоянку такси, где полусонные водители поджидали своих пассажиров.

– Сюда, сюда... – наперебой зазывали они, жадно разглядывая парочку, в их головах дружно работали счетчики – какую сумму назвать, чтобы не ошибиться.

Молодой человек, повернувшись, спросил у женщины:

– Вам куда?

– На Заполяновку, – произнесла она с таким видом, будто жила в районе Кремля.

Молодой человек кивнул и обратился к первому же водителю:

– Шеф, на Заполяновку. Сколько?

Водитель прикинул стоимость костюма парня, количество вещей, драгоценности его подружки и назвал фантастическую сумму.

– Ты чего? С катушек съехал?! Да мы за эти деньги только что из Москвы приехали. Да я за такие бабки вертолет зафрахтую!

– Фрахтуй, – сплевывая на пол, спокойно отозвался водитель. – За меньшее все равно не уедешь.

– Ну у вас в Тулупинске и цены, – произнес молодой человек, поворачиваясь к своей спутнице. – Круче, чем в столице будут.

– Олежек, что вы хотите, за все надо платить. У нас в Заполяновке чудесный воздух, сосны, озеро... Только добираться далековато, – произнесла она медовым голосом. Потом сде-

лала два шага к машине и, скорчив недовольную физиономию, голосом базарной торговли завопила:

– Ты лохов в другом месте поищи!!! Сходи в психдиспансер, проверься, придурок! А лицензия на извоз у тебя есть, а техпаспорт? Распустились шакалье, честному человеку жизни не стало! Ты свои zenки на меня не пяль, не пяль! – наступала она своим мощным бюстом на водителя, словно, желая раздавить несчастного.

Водитель, озираясь по сторонам, ища защиты у своих собратьев по ремеслу, двигался назад мелкими шажками, пока был не приперт к стене вокзального здания. Когда между ним и бюстом потенциальной пассажирки осталось не больше одного сантиметра, водитель сдался. Деньги являются деньгами, только при жизни. Мертвому ни баксы, ни рубли, ни тугрики ни к чему.

Водитель назвал сумму втрое меньше прежней и более приближенной к реальности. Однако и эта сумма показалась молодому человеку слишком завышенной.

– Наталья Александровна, давайте я у кого-нибудь еще спрошу, – проговорил молодой человек, разглядывая соседние машины.

– Садитесь, садитесь, я заплачу, – изыщно махнув ластообразной огромной ручкой, произнесла женщина. – Я вас никуда не отпущу. Как можно, отпускать такого симпатичного молодого человека в город, который он совершенно не знает. Я себе не прощу, если с вами что-нибудь случится. Тем более в нашем городе, где по улицам бродит столько агрессивных одиноких женщин, – Наталья Александровна по-матерински похлопала Олега по упругой, чисто выбритой щеке, только взгляд у нее при этом был далек от материнского, а губы сложились в плотоядной улыбке, будто перед женщиной стоял не молодой человек, а кусок торта с кремовыми розочками.

– Спасибо, Наталья Александровна, но я в гостиницу, мне вас, право, неудобно стеснять, – произнес Олег, пристраивая в багажник вещи женщины.

– Нет, нет и нет! – поспешно ответила она, схватив молодого человека за руку. – Не могу же я ехать одна так далеко, – она притянула молодого человека к себе и в ухо зашептала. – А вдруг он маньяк сексуальный... Я женщина слабая... меня обидеть всякий может.

Олег оглядел мощную фигуру Натальи Александровны – если уж кого защищать, так шофера, который все еще стоял у стенки, боясь пошевелиться. Однако молодой человек подхватил игру, предложенную женщиной.

– А вы не боитесь, что я могу оказаться маньяком, – шепнул он на ухо женщине и пожал ее пухлую ладошку.

– Вы? – наигранно удивилась Наталья Александровна, попытавшись принять наиболее сексуальную, на ее взгляд позу – закинув бревноподобную ногу на ногу и оголив в разрезе пухлые коленки, она откинулась на спинку сиденья. – В таком случае, вы о-очень симпатичный маньяк, и я готова стать вашей, и только вашей, жертвой, – пробормотала она, закатив глаза.

Эффект от разыгранной сцены был несколько смазан стуком дверцы машины, которую захлопнул за собой водитель, забравшийся в салон.

– Ну, что, едем? – произнес он, не оборачиваясь.

– Да-да, – отозвалась пассажирка, – Олег, сейчас же в машину! Женские капризы нужно выполнять, – противным тоном произнесла она, похлопывая рукой по сиденью рядом с собой.

Олег улыбнулся, лицо его приобрело задорное мальчишеское выражение:

– Я подчиняюсь, только для того, чтобы не расстраивать вас. – ответил он, усаживаясь рядом с женщиной.

Всю дорогу до Заполяновки Наталья Александровна никак не могла уговорить. То она просила открыть окно, то закрыть, то ехать быстрее, то медленнее. Олег с готовностью исполнял все ее прихоти, словно он всю жизнь готовился для этой миссии. Где-то на середине пути Наталья Александровна потребовала остановить машину и захотела размять ноги. Олег

проворно вскочил со своего места любезно распахнул дверцу с ее стороны, подал руку и помог выбраться из салона. Наталья Александровна потребовала воды, и Олег обратился к водителю. Тот достал пластмассовую бутылку минералки и протянул ее молодому человеку:

– Что ж это у вас мамаша такая беспокойная, нервная... В ее возрасте... – конец фразы застрял у водителя в горле, на него, не мигая, в упор смотрели глаза молодого человека. Взгляд этот не предвещал ничего хорошего. Водитель быстро сообразил, что скал лишнее, закашлялся и отвернулся.

Спустя полчаса такси остановилось у двухэтажного особнячка, смахивающего на мавзолей, казино и крепость одновременно. Пока женщина расплачивалась с водителем, Олег достал из багажника ее объемистые сумки. Он остановился перед двухметровыми железными воротами, выкрашенными в синий цвет. На воротах красовалась отполированная металлическая табличка: «Наталья Александровна Сидорова». Молодой человек о чем-то задумавшись, замер перед этими воротами. Виделось ли ему собственное имя на этой табличке или что-то другое, об этом мы можем только догадываться.

– Ну вот мы и дома, Олеженька, – раздался над его ухом голос Сидоровой, который вывел молодого человека из задумчивости.

– Ну, Наталья Александровна, вы сказали, что у вас «домик», я поверил, а у вас – хоромы, Тадж-Махал, какой-то, – произнес молодой человек.

Восхищение в его голосе было немного наигранным, но довольная женщина, не обратила на это никакого внимания.

– Ты еще внутри не был, у меня вся сантехника финская, мрамор, позолота... люстра хрустальная, из запасников пушкинского музея, – ответила Сидорова. – Сейчас сам увидишь, я только сигнализацию отключу.

Наталья Александровна достала связку ключей, открыла ворота, привстав на цыпочки, щелкнула тумблером, и двор осветился сотней лампочек. Олег внес чемоданы внутрь, оглядываясь по сторонам и высказывая вслух свое восхищение. Хотя, в те минуты, когда Наталья Александровна не могла видеть, на его лице появлялась саркастическая усмешка, придававшая некоторую хищность.

Дорожка, ведущая к дому, была выложена белым кафелем, в центре двора стояло сооружение, напоминающее фонтанчики в парках отдыха. Бетонный круг, выложенный морскими ракушками, в центре бронзовая уродливая рыбина, изо рта которой текла небольшая струйка воды, и рядом копия фигуры знаменитого писающего мальчика. Лицо копии почему-то смахивало на лицо самой Натальи Александровны, словно скульптор хотел подшутить над хозяйкой.

– Нравится? – деланно равнодушным тоном произнесла Сидорова, обращаясь к Олегу.

Молодой человек молча кивнул, он боялся раскрыть рот, чтобы не расхохотаться.

– Точная копия фонтана в... – женщина наморщила лоб, пытаясь вспомнить название города, где стоит такой же мальчуган, – ...ладно, сейчас не вспомню, но я туда скульптора в командировку отправляла. Ладно, я тебя заболтала, поднимайся в дом.

Олег последовал за хозяйкой, которая уверенно цокала каблучками по кафелю дорожки.

– У меня домработница и повар, правда, они вернутся только послезавтра... Так что мы с тобой будем предоставлены сами себе, – «предоставлены сами себе» она подчеркнула особо. – Сейчас я покажу тебе твою комнату, заодно познакомишься с домом, – проговорила она, увлекая Олега по широкой лестнице. Сидорова распахивала дверь в каждую комнату, демонстрируя перед Олегом богатство обстановки.

Внутренне содержание дома соответствовало наружному. Все блестело, искрилось, сверкало, переливалось. На окнах висели бордовые бархатные (а может и под бархат?) портьеры, мебель в стиле рококо, ампира и прочей псевдостарины. Создавалось впечатление, что дом Натальи Александровны – запасник какого-то музея. Вдоль стен стояли разнообразные столы: консоли, столы-бюро с изогнутыми толстыми ножками, комодики, стулья с гобеленовой обив-

кой. Тут же стояла импортная стенка, полки которой были заставлены хрустальными вазами и всевозможными безделушками.

Каждый раз, останавливаясь перед дверью очередной комнаты, Наталья Александровна произносила:

– А тут у меня такой же интерьер, как у Н., Л., С., Г., Д., – каждый раз назывались имена известных и богатых в стране людей, создавалось впечатление, что хозяйка дома была с ними на короткой ноге.

Эти люди, конечно же не имели представления о существовании самой Натальи Александровны, все эти интерьеры, содранные с картинок всевозможных модных журналов от «Домашнего очага» до «Стильных интерьеров», отдаленно напоминали те – оригинальные, созданные лучшими, талантливыми декораторами и стилистами. Но Сидорова, равно как и соседки-подружки по Заполяновке, считала свои дома эталоном вкуса, изыска.

Наконец-то экскурсия завершилась, Наталья Александровна, распахнула дверь в одну из комнат:

– А это у меня гостевая. Вот тут ванная, туалет. Вот бар, телевизор, видео. Вот тут пижама, мне кажется, этот цвет тебе очень пойдет. А вот тут... дверь моей спальни, так что, если что понадобится, заходи. Мы с тобой всю ночь проговорили в поезде, сейчас еще так рано, постарайся заснуть. Хотя я, наверное, не смогу.

– Наталья Александровна, спасибо... – произнес Олег, в очередной раз покрываясь румянцем.

– Ну-ну, какие пустяки, – произнесла женщина, вынося из комнаты свою монументальную фигуру.

Олег прикрыл за ней дверь и вздохнул с облегчением:

– Убралась наконец, зараза.

Он разделся, прошел в ванную и принял душ. Следовало подготовиться ко второй части плана, менее приятной. Олег вздохнул, ну почему, деньги в основном, бывают у противных старух? Олег, обмотавшись огромным махровым полотенцем, вернулся в комнату, достал из бара бутылку, бокал и устроился в кресле, напротив окна, раздумывая о своем житье.

Почему так устроена жизнь? Только налаживается быт, обзаводишься полезными знакомствами, веселой компанией; в карманах начинают приятно похрустывать купюры и вдруг – бац! Трамвай идет в парк, попрошу граждан-пассажиров освободить салон.

Вот и в этот раз, все начиналось хорошо. Благодаря парочке необременительных трюков на грани законности, двум одновременным романам с пожилыми богатыми вдовушками, он, Олег Константинович Парамонов, жил в свое удовольствие, сорил деньгами, играл в казино, хорошо и сытно питался, любил женщин и играл в карты. И дернул же его черт, вляпаться в тот день сесть за карточный стол с известным всей Москве и ее окрестностям человеком, только вот ему, Олегу Константиновичу, поскольку тот «блистал» на столичных тусовках совсем недавно, человек этот был не знаком.

Наметанный взгляд Олега сразу уловил в толпе обычных посетителей казино «Русская рулетка» этого человека. Ничем не примечательный, с простоватой внешностью, грубоватыми манерами, мешковатой одеждой он напоминал командировочного, приехавшего из глухой провинции по казенным делам и случайно забредшего в столь злачное место. Внимание Олега привлекла тугая пачка банкнот, которая распирала потертый дерматиновый бумажник. Лох, которого необходимо раскрутить на бабки, – решил про себя Олег.

Олег, пришедший со своей спутницей, пятидесятилетней вдовой известного столичного стоматолога, с тоской наблюдал, как его дама проигрывает небольшие суммы. Цицилия Львовна ставила по одному-два жетона в разные сектора, с замиранием сердца следила за полетом шарика и взвизгивала от огорчения или удовольствия, в зависимости от того, что выпадало. Играть на свои Олег не хотел, а Цицилия сегодня желала играть сама.

Олег уже пропустил несколько рюмок в баре, бесцельно бродил между столиков, взял парочку телефончиков. Цицилия, которая на сегодняшний момент была его постоянной дамой, домой не торопилась. У Олега же на этот вечер было намечено еще одно развлечение, совсем недавно у него начался роман с хорошенькой парикмахершей, в элитном салоне, куда он частенько хаживал. Сегодняшнее свидание было назначено на одиннадцать, но отправиться туда можно было только после того, как он проводит Цицилию домой и пожелает ей спокойной ночи. Цицилия Львовна все еще была нужна ему – несмотря на то, что за последний месяц Олегу удалось сколотить кругленькую сумму, бросать богатую вдовушку было рановато. Олег мечтал получить коллекцию золотых монет, доставшуюся женщине от мужа. Цицилия как-то обмолвилась, что хочет передать ее музею. Олег уже готовил небольшую комбинацию, в результате которой эти монеты будут поделены между одним работником музея и им. Так что бросать Цицилию сейчас было бы глупо.

Олег заметил, что за одним из столиков началась игра. Именно туда направился потенциальный клиент Олега. Он присел за столик, оглядел партнеров, чьи способности успел изучить за время постоянного хождения в «Русскую рулетку». Все, сидевшие за столом были середнячками, пенсионеры всесоюзного значения, бывшие министры и завмаги. Сердце Олега екнуло, когда он увидел купюры в руках забавного толстячка. Чутье, никогда не подводившее Олега, сыграло с ним злую шутку, оно его не просто обмануло, оно его по-крупному подставило.

Нет, вначале все складывалось удачно, Олег несколько раз выиграл и довольно прилично. Вот тогда бы ему встать и уйти, придумать, что его даме пора домой, сказать, что разболелся живот или дома ждет морская свинка. Нет, он сам себя продолжал тянуть на дно, игра увлекла его, ставки сделались крупнее, он проиграл всю свою наличность, распотрошил кошелек Цицилии, проигрывал все больше и больше, пока сумма долга не оказалась фантастически огромной. Но это было не самое ужасное. В самом начале игры было поставлено условие – оплата немедленная, при задержке выплаты, каждые пятнадцать минут сумма увеличивалась на одну треть. Короче говоря, Олег оказался должен такую кучу денег, что представить себе мог только человек с очень богатым или большим воображением. Ни таких денег, ни такого воображения у Олега не было.

– Ну-с, молодой человек, – приятно было с вами посидеть, картишки пошвырять, пора и честь знать. Давайте рассчитаемся и разойдемся.

– Как рассчитаемся? – произнес побледневший Олег, который надеялся отыграться. – Рано же еще...

– Кому рано, а кому и пора, – ответил Иван Иванович, переставая улыбаться.

Теперь на Олега смотрел совершенно другой человек – жесткий, решительный, волевой и жутковатый.

– Денег, как я понимаю, у вас с собой сейчас нет? – произнес он, буравя Олега глазами.

Иванов махнул головой, и за его спиной выросли два здоровенных мордоворота с лицами, которыми обычно пестрят страницы криминальной хроники.

– Н-нет, – растерянно ответил он, начиная понимать, во что вляпался.

– Понятно, сам молодым был, деньги в кармане не держались... Давай отойдем в сторонку, поговорить нужно, – приказал он, направляясь к бару.

– Мне соку томатного, а ему... – Иванов обернулся к Олегу, приглашая сделать заказ, – ...что захочет, я оплачу. С меня как с выигравшего полагается процент...

Олег отказался, в такой ситуации у него даже нектар застрял бы в горле.

– Говорят, ты к нам из дальних стран пожаловал, в гости так сказать, – вдруг произнес старик, – а ведешь себя нехорошо. Нашим дела перебиваешь, дорожки затаптываешь, жалуешься на тебя, не по понятиям живешь... За все платить полагается, сроку тебе три дня даю. Вернешь деньги, живи спокойно, только не забывай проценты отстегивать, а не вернешь...

«Идиот, как рыба на червяка, попался. А еще радовался, что все удачно складывается, деньги пришли, парочку дураков облапошил... Элементарной подставы не учуял... Приду-рок!» – ругал себя Олег, а что ему оставалось? Необходимо было драпать из столицы, пока руки и ноги целы. Вечером того же дня, проводив Цицилию до дому, прихватив на память о бурной страсти парочку золотых старинных монет из коллекции покойного мужа, – стоматологу монеты были уже не к чему, а Цицилия и так ни в чем не нуждалась, – Олег, похватав свои вещички, бросился на вокзал. Лететь самолетом он не решился, не то, чтобы Олег не доверял отечественным авиалиниям, просто не хотелось лишний раз светиться.

Иванов, наверняка, захочет найти его, значит, нужно как можно больше усложнить ему эту задачу. В том, что Иванов будет его искать, Олег нисколько не сомневался. Он успел навести справки у нужных людей. Иванов, в криминальном мире звался Крематорием. О жестокости этого человека ходили легенды, он был фанатом прежних порядков, ортодокс в своем роде. Его главным занятием было следить за тем, чтобы все было по понятиям. Крематория боялись все: от крупных тузов до мелких шестерок. Нужно было уносить ноги, пока на них можно было еще стоять и бегать.

Олег в мучительных раздумьях изучал расписание поездов. Куда податься? В принципе, ни в каком другом городе у него не было родственников. Олег был круглым сиротой в прямом смысле этого слова. Детский дом, который выпихнул его из родных стен был уже давно расформирован из-за недостатка финансирования, Олега перекинули в один приют, затем во второй, третий, дождались совершеннолетия и выпустили на все четыре стороны. Примерно так или около того, рассказывал о своем собственном детстве Олег Константинович. Правда это или нет, останется для нас загадкой. Достоверно только одно – Олег был круглым сиротой, и куда бы он не поехал, никто бы его не ждал.

Все решил господин Случай – Олег заметил, как возле расписания оказалась дородная хорошо одетая женщина. Она приказала носильщику остановиться и ждать ее, подошла к кассе и потребовала билет до какого-то Тулупинска. Ему были нужны деньги и рядом находилась женщина, которая могла стать его очередным кошельком.

Олег сверился с расписанием, поезд должен был прибыть через сорок минут. Олег попросил у кассирши билет в то же купе. Так он познакомился с Сидоровой, и было это сутки назад.

Олег быстро нашел общий язык с соседкой, приятной и денежной дамой. Рассказал трогательную историю о лишениях и мучениях; представился коммерсантом, едущим в Тулупинск для налаживания бизнеса. Несколько намеков на то, что одинок и терпеть не может современных девиц, что сердцу милее и ближе дамы зрелого возраста. Только они любят бескорыстно и страстно, опытни в сексе и чем-то напоминают маму, которой так не хватало в детстве. Бутылка шампанского, демонстрация мужественного профиля, молодого загорелого накачанного тела, и Сидорова сдалась, даже не успев занять оборону. Ей в голову не пришло, что этот приятный, воспитанный, хорошенький, стеснительный молодой человек искусно обвел ее, даму опытную, вокруг пальца, заставил думать, будто она подчиняется собственным прихотям.

И вот теперь, предстояло раскрутить эту тетку до денежно-баковского финала. Олегу была нужна путевка в «высший» свет города Тулупинска, наличность и парочка-тройка богатеньких дурачков, чтобы пополнить кубышку. Олег Константинович был мастером своего дела, последним так сказать, из джентльменов мошенничества и ловкачества. У него был своего рода кодекс чести, неписаных правил и обязанностей. Парамонова занимали исключительно люди, добившиеся своего богатства несправедливыми путями, а также – простачки, обладавшие кругленькими суммами. Первых Олег наказывал, экспроприируя награбленное. Вторых – учил не попадаться на удочку мошенников. Парамонов с безразличностью относился ко всякого рода гопникам, грабителям с большой дороги, работавшим по принципу: сила есть – ума не надо. В мошенничестве он предпочитал оригинальность, нестандартность, некую фееричность. Олег Константинович придерживался того принципа, что мошенничество должно носить интеллек-

туальный характер. И последнее – Парамонов привык оставлять своим жертвам взамен что-нибудь. Воспоминание о бурном романе, небольшую безделушку, акции на участок где-нибудь на поверхности Луны или что-нибудь еще.

Поэтому, ему придется расплатиться с госпожой Сидоровой по полной программе или хотя бы создать иллюзию, выполненного долга. Олег вздохнул и плеснул себе в бокал еще. Он прислушался, Наталья Александровна что-то тихо напевала в своей комнате. Парамонов приоткрыл дверь в коридор, слова стали доноситься отчетливее... «Зайка моя, я твой тазик...»

Олег вышел в коридор и остановился у двери в спальню Сидоровой, он осторожно постучал, пение смолкло, за дверью заматались: что-то с грохотом упало на пол, свет погас, затем снова загорелся. Олег терпеливо ждал, пока ему не разрешат войти.

– Кто там? – спросила хозяйка таким тоном, будто не догадывалась, кто стучится в дверь.

– Наталья Александровна, это... я... Олег, можно войти...

– Минутку, я не одета, сейчас накину что-нибудь, – произнесла она томным голосом.

Дверь перед Олегом распахнулась, на пороге стояла Сидорова в прозрачном пеньюаре, отделанном черными кружевами. Монументальные формы хозяйки так и норовили выскользнуть из халатика, но хозяйку это ничуть не смущало.

– Наталья Александровна, не могу заснуть на новом месте, одиноко как-то, опять вспомнил детство, маму... – произнес Олег, старательно отводя глаза от колышущегося перед его носом бюста. – Извините, я помешал вам, пойду, простите... – проговорил Олег, отступая на шаг назад.

– Нет, я не сплю! – поспешно воскликнула она. – Хотите выпить? У меня такая настойка есть, готовила по собственному рецепту. Рюмочку выпьешь – и на душе так хорошо делается... На травках и ягодах, чисто для здоровья, против бессонницы помогает, от простуды... Лекарство, – не дожидаясь ответа, Сидорова подошла к шкафчику, достала бутылку и разлила по бокалам, стоящим на маленьком столике возле огромной кушетки, застеленной пятнистой тканью под леопарда.

– Расскажи мне о СВОИХ ЖЕНЩИНАХ, – предложила она, подталкивая Олега к кушетке, – Наверняка, у тебя была хоть одна... – Наталья Александровна развалилась на кушетке, так что полы ее пеньюара разошлись, явив взору Олега громадное колено хозяйки дома и ножку, густо поросшую волосами.

Олег покорно сел рядом с мадам Сидоровой, взял бокал из ее рук, старательно изображая крайнюю степень смущения.

– Давайте лучше выпьем за вас, за самую прекраснейшую из женщин, встреченных мною, – сказал он и отпил из бокала.

Содержимое оказалось смесью чистейшего спирта, подкрашенного каким-то соком или вареньем. Кто б сомневался, что рюмка этого чудодейственного напитка способна излечить от сплина, хвори или бессонницы. Один бокал этого напитка мог сбить с ног тренированного бойца алкогольного фронта.

Тост понравился Наталье Александровне, она залпом осушила свой бокал, не закусывая, не морщась, и плеснула себе еще. Олег, уловив момент, вылил содержимое своего бокала в кадку с пальмой, стоявшей возле кушетки. Сидорова, обнаружив пустой бокал Олега тут же долила ему.

– У вас великолепный дом, – заметил Олег, – такое впечатление, что мы не в Тулупинске, а в Москве. Выпьем за вас – великолепную хозяйку...

И этот тост понравился Сидоровой, она снова залпом осушила свой бокал. Щеки ее, и без того покрытые природным румянцем, запылали, словно наваристый свекольник, глаза заблистали и превратились в щелочки, как прорези у почтового ящика, на губах блуждала улыбка, значение которой не понял бы только младенец-грудничок.

«Готова», – подумал Олег, вознеся хвалу «лекарственному зелью».

– Наталья Александровна, мне кажется, что... я не знаю как сказать... Вы – идеал... Можно я... выпью с вами на брудершафт.

– Олежек, пупсик, – заплетающимся языком произнесла Сидорова, – дай я тебя поцелую... Давай на б...бу...брбр...брудершафт.

Олег быстро наполнил бокал хозяйки дома, плеснул себе на доньшко, чмокнул Сидорову. Наталья Александровна подтянула к себе Олега, прижав ручищами к своему теплому объемистому животу и облобызала. Олег попытался освободиться из ее могучих объятий, но результат получился обратным. Он, увлекаемый Натальей Александровной, упал на кушетку. Сидорова, придерживая одной рукой молодого человека, второй торопливо развязывала поясок халатика.

– Возьми меня, возьми, – бормотала она в ухо Олегу, слюнявя его своими мокрыми губищами.

Такое не входило в планы Олега, он собирался остановиться на букетно-розовой стадии вздохов и поцелуев, недомолвок и легкого флирта, и затянуть его как можно дольше. Собственно говоря, он всегда действовал подобным образом, на грани фола. Олег не считал себя ни жигалом, ни альфонсом. Он не жил на средства женщин, с которыми спал и не спал с теми женщинами, которых собирался использовать в своих целях. Просто женщины были ключиком, открывавшим дверь в мир богатых, состоятельных мужчин. Сегодняшние события вышли из под его, Парамонова, контроля. Однако оттолкнуть от себя единственную знакомую даму в чужом городе он не мог.

Олег откатился в сторону, с трудом выбравшись из-под давившей на него массы, дотянулся рукой до выключателя и выключил свет. Комната погрузилась в спасительную темноту, Олег представил, что рядом с ним сейчас хорошенькая маникюрша, с которой он так и не успел провести ночь.

– Пупсик, ты где? Какой плохой мальчик, бросил мамочку, – игриво-обиженно произнесла Сидорова.

Олег нашарил в темноте ее конечность и принялся поглаживать. Конечно, бревно, находящееся в его руках, с натяжкой могло сойти за тоненькую ручку молоденькой женщины. Однако Олег был профессионалом и мог наступить на горло собственной песне. Сидорова дышала, как кузнечные меха, обдавая Олега жаром своего необъятного тела, постанывала, словно слониха на водопое. Пальцы Олега совершали ловкие маневры по всей поверхности тела Сидоровой. Чтобы отвлечься от реальности, Парамонов про себя клял на все лады Иванова, по милости которого ему пришлось бросить Москву, оставить Цицилию... Ах, Цицилия, милейшая женщина, сексуальные аппетиты которой простирались не дальше французского поцелуя и поглаживания коленки, а эротические фантазии исчерпывались лицезрением полуобнаженного Олега. Ко всему прочему, Цицилия была действительно элегантной женщиной, обладающей достаточным состоянием.

Сожаления об упущенных возможностях были прерваны каким-то полухрипом, полустоном Сидоровой, Олег испугался, на минуту ему показалось, что женщине дурно.

– Аг-аг-хы-хы-хыrrr! Аг-аг-хы-хы-хыrrr!

– Что с вами? Вам плохо? – произнес он.

Ответа не последовало. В мозгу Парамонова уже выстроились картинки, одна мрачнее другой... Мертвая Сидорова в постели. Милиция. Он, как посторонний, пытается объяснить причину своего присутствия, подозрения... Олег вскочил с кушетки и включил свет. Положив огромную ладонь под щеку, похрапывая и свистя, как паровоз, Сидорова спала. Это самый храп он и принял за предсмертный хрип.

– Твою мать! Овца старая... Чуть до инфаркта не довела... – вполголоса выругался он, достал пачку сигарет и нервно закурил.

После второй сигареты Парамонов смог улыбнуться, по крайней мере, удалось избежать «пытки сексом». Наверняка, Наталья Александровна не вспомнит, что заснула на самом интересном месте, значит нужно создать иллюзию того, что у них все прошло на высочайшем плейбоевском уровне.

Олег оглянулся по сторонам, в поисках кровати. Кровати не было. Очевидно, эту комнату использовали как будуар, если слово это Наталье Александровне знакомо, конечно. Из этой комнаты вела еще одна дверь, Олег заглянул туда. Это было именно то, что нужно – спальня. Посредине стояла здоровенная кровать с шелковым балдахином, спускающимся с потолка. Спинки кровати были украшены резным орнаментом, по бокам разместились пузатые амуры с глуповатыми лицами. Олег улыбнулся. Представить Наталью Александровну, лежащей в этой роскошной кровати, он не мог. Она и эта изящная вещица не соответствовали друг другу. Все равно, что на блюдо из дорого тонкого фарфора выложить кучку баклажанной икры или плавленый сырок «Дружба». На спинке кровати висело нечто, смахивавшее своими размерами на парашют или на автомобильный чехол. При ближайшем рассмотрении «это» оказалось ночной рубашкой с забавными розовыми бантиками.

Олег вернулся в будуар, предстояло перетащить Наталью Александровну на кровать. Олег попытался оторвать тело женщины от кушетки, но это ему не удалось, приподнимались только отдельные части тела. По частям же Сидорову перенести было невозможно. Олег вернулся в спальню, принес подушки, покрывало и принялся раздевать женщину, разделся сам и пристроился рядом. Имитируя бурную страсть, для большей убедительности, он по полу разбросал одежду, перевернул столик – создал «художественный» беспорядок. Утром у Натальи Александровны не должно было остаться никаких сомнений по поводу того, чем закончился невинный разговор об Италии.

* * *

А по утру они проснулись...

Первым проснулся Олег, ему снился кошмар. Цирковая арена, переполненный зал, в центре – здоровенная кровать с балдахином. Невзрачный мужичок, держащий в руках дерматиновый бумажник, выпихивает на арену Олега и противным голосом гнусавит:

– Должок, должок, должок...

Раздается барабанная дробь, свет гаснет – освещенной остается только кровать. Кто-то объявляет:

– А теперь, смертельный номер! Детям и беременным рекомендуется закрыть глаза! На арене Олег Парамонов. Любовь и бегемотиха!

Олега толкают к кровати, балдахин распахивается, а там... Живая огромная бегемотиха, которая манит его короткой толстой лапкой. Олег хочет крикнуть, но вместо крика изо рта вырывается какой-то сип или храп. И тут он понял, что спит. Олег проснулся, повернулся, не открывая глаза, и почувствовал чье-то плечо рядом. Он попытался угадать, кто лежит рядом с ним. Маша? Оля? Цицилия Львовна?

Олег открыл глаза и увидел на подушке рядом с собой незнакомую толстуху. «Бегемотиха! – пронеслось в голове, – Наверное, еще сплю или сон в руку». Женщина заворочалась, причмокивая во сне губами. Сон как рукой сняло. Олег все вспомнил: и свое бегство из Москвы и эту женщину, и инсценировку. «Интересно, который час?» – подумал Олег, закрывая глаза, первой, по его режиссерскому замыслу, должна была проснуться Сидорова. Следовало оставаться в кровати до ее пробуждения. В желудке Олега что-то заурчало, пора подкрепиться. По его подсчетам время приближалось к обеду, если не к полднику. Хозяйку дома следовало разбудить, сделать это нужно было, не обнаруживая себя. Олег придвинулся к женщине, положил на нее руку и уткнулся ей в щеку носом.

Маневр подействовал, Наталья Александровна заворочалась и открыла глаза. Олег замер, изображая глубокий, здоровый сон с похрапыванием. Наталья потянулась, повернулась на бок, чуть не придавив Олега. Ему стоило больших трудов сдержаться и не заорать во весь голос.

– Ничего себе, это еще кто?! – воскликнула Наталья Александровна, тряся Олега за плечо.

Тот пару минут изображал просыпание, открыл глаза и «увидел» полуобнаженную даму.

– Доброе утро, Наталья Александровна, – произнес он, натягивая на себя край простыни, покрываясь румянцем. Олег обладал замечательной и очень нужной в его профессии мошенника способностью – краснеть по своему желанию.

Тут до хозяйки дома дошло, кто этот лежащий рядом с ней человек. Она совершенно другим голосом произнесла:

– Доброе утро, как спалось?

Олег опустил ресницы и произнес:

– Неужели все было так плохо и вы ничего не помните?

– Чего «ничего»? – уточнила женщина, пытаясь сообразить к чему клонит молодой человек.

На второй минуте до нее дошло, она подняла край простыни и осторожно заглянула туда. Чтобы не травмировать эстетические вкусы читателей, не будем описывать, что находилось под простыней. Вот если бы на месте госпожи Сидоровой находилась молодая, привлекательная блондинка или брюнетка, то тогда... Впрочем, если в нашем повествовании встретится такая красавица...

– И как у нас «это» было? – удивленно проговорила она и тут же, взяв себя в руки, с видом опытной куртизанки произнесла: – Конечно, помню, даже горю желанием повторить прямо сейчас.

Наталья Александровна потянула на себя край простыни, который держал Олег. Сиюминутные сексуальные экзерсисы в его планы не входили, нужно было что-то срочно предпринимать.

– Наталья Александровна, – пробормотал он, скатываясь с кровати и поспешно натягивая трусы, – я воспользовался вашей слабостью, я... не смог устоять перед вашим обаянием... вы самая... женщина... Мне нужно идти искать жилье, начинать работать. Вы хотели познакомить меня с местными деловыми людьми...

Наталья Александровна расхохоталась, в создавшейся ситуации соблазнительницей казалась она, а не этот скромный, милый молодой человек. Это чувство ужасно льстило самолюбию Сидоровой. Согласитесь, даме глубокого бальзаковского возраста приятно чувствовать себя, еще ого-го!

– Глупышка, куда ты не пойдешь. Места у меня хватит, бизнес тебе организовать помогу, с нужными людьми познакомлю. И выкинь из головы все эти глупости, про приличия и прочую ерунду. Вечером организуем вылазку в город, познакомишься с местными достопримечательностями, а там посмотрим. Так, если будут спрашивать, кто ты мне, можешь прямо говорить – френд-бой! Наши селедки сдохнут от зависти!

– Бой-френд, – машинально поправил Сидорову Олег, его план заработал. Главное, что ему не пришлось делать никаких усилий над собой. А как дальше избегать «близких контактов третьей степени», он сообразит.

В тот вечер выйти в свет не удалось, благодаря стараниям Олега, Наталья Александровна упилась шампанского и погрузилась в глубокий сон. Это время Парамонов использовал для самостоятельного осмотра города Тулупинска и его значных окрестностей.

Тулупинск ждал его, ждал Олега Парамонова, желал поделиться с ним своими долларами, ценными бумагами, квартирами и машинами, молодыми амбициозными провинциалками и прочими прелестями, составляющими комфортную, сытную жизнь. Олег не собирался

надолго задерживаться у «Бегемотихи», так он стал звать ее про себя. Ему не нравилась ни ее внешность, ни ее грубоватость. Олег предпочитал иметь дело с интеллигентными пожилыми дамами. Буфетчицы, проводницы, официантки никогда не привлекали его. «Бегемотиха» была своего рода маленькой рыбкой, живцом, на который должна была клюнуть рыбина покрупнее, да не одна, а целый десяток (если конечно, в Тулупинске такое количество богатеньких лохов наберется. Пока Олег ничего не мог сказать о социальном составе Тулупинска).

Для того чтобы эту рыбину или рыбин покрупнее поймать, подсечь и вытянуть из них как можно больше денег, Олегу были необходимы помощники, знающие толк в мошенничестве, не брезговавшие различными «околозаконными» приемами. Такими субъектами кишмя-кишат улицы всех современных городов, на всех континентах земного шара. Это те самые люди, которые играют с простаками в «наперстки», продают чудодейственные бальзамы от перхоти и волос на основе голубинового помета, те которые просят милостыню: на лечение-операцию, погорельцу, доехать до старенькой мамы, на кусок хлеба дитенку малому. Те, кто пытается продать или сдать чужую квартиру одновременно трем-пяти человекам. Короче, каждый из нас сталкивался с ними, хотя бы раз в жизни. Олегу предстояло в короткий срок в незнакомом городе найти парочку таких «умельцев». Первым делом он отправился в традиционные места обитания этих субъектов: на вокзал, базар, заведения для азартных игр.

Когда Олег покинул спящую «Бегемотиху», рабочий день только завершился, это было заметно и по Заполяновке. К электричке, проходящей недалеко от поселка двинулась толпа горничных, кухарок, домработниц, гувернанток, парикмахерш, маникюрш шоферов и прочего обслуживающего персонала. Олег пристроился к этой разномастной, разноголосой стае и направился к железной дороге.

Симпатичный светловолосый молодой человек в джинсе сразу привлек внимание нескольких молодых особ. Судя по тому как все приветствовали друг друга, перекликались, сообщали новости, обслуживающий персонал заполяновских дач хорошо знал друг друга. Возможно, когда хозяева наносили друг другу светские визиты на высоком уровне, на «низком» уровне происходило то же.

Олега обогнала миниатюрная брюнетка с пышным конским хвостом на затылке. На девушке были коротенькие джинсовые шорты и крохотный топик. Девушка оглянулась и, улыбнувшись, спросила:

– Новенький? У кого?

Олег, который всегда считал, что если хочешь все знать о своем будущем «клиенте» – заведи дружбу с прислугой, утвердительно кивнул головой и ответил:

– У Сидоровых.

– А, мадам вернулась, – откликнулась девушка, – не повезло тебе, намучаешься. Я у нее сама пару недель работала. Стерва, каких свет ни видывал, еле у нее жалование выцарапала.

Олег неопределенно пожал плечами.

– Значит соседями будем, я через четыре дома от вас работаю. Меня Таня зовут, будем знакомы. Я у них за домработницу – убираю, за продуктами езжу.

Девушка протянула Олегу узенькую смугленькую руку, рукопожатие было крепким и приятным.

– Олег, – представился Парамонов. – По фонтанам и саду.

– Иди ты! – воскликнула девушка, – третий, значит.

– В смысле? – поинтересовался Олег.

– Ну, «мадам» на фонтанах помешана, у нее на этой почве сдвиг. Она даже какого-то архитектора из города привозила. Потом рабочих нанимала – мыть, драить фигурки фонтана со специальным бальзамом. Где она только этих парней набирала не знаю, все как на подбор красавчики, но не работники. Один целыми днями загорал да девчонок водил в фон-

тане купаться, а второй «Писающему мальчику» отбил кое-что, нечаянно. Так она его чуть не кастрировала... – Таня расхохоталась. – Шуму было на всю Заполяновку, еле парня отбили.

Олег улыбнулся, ему такая мрачная перспектива не грозит, но разубедить в этом девушку он не стал. Наоборот, поинтересовался, к кому из жителей Заполяновки может понадобиться садовник или рабочий по дому-огороду. Таня оказалась в курсе всех местных сплетен, дала емкую и точную характеристику всех местных знаменитостей. Из ее рассказов Олег понял, что Заполяновка вовсе не Канны и не швейцарский курорт. Основная масса владельцев двух – и трехэтажных коттеджей были средней зажиточности. Олегу же нужен был выход на более высокие круги, к местной элите. Она, как выяснилось, обитала в поселке неподалеку – в Поляновке. Жителей Заполяновки туда не приглашали, селиться там не давали, считали мелкой сошкой. Заполяновские же страшно завидовали и даже свой поселок в отместку называли Заполяновкой, строили себе такие же громадные особняки, устраивали фейерверки по праздникам, светские рауты, даже приглашали столичных актеров и певцов. Однако до уровня поляновских не дотягивали, – ни денег, ни возможностей, ни способностей на это у них не хватало.

Все это Олег услышал, сидя в вагоне электрички рядом с симпатичной горничной, спустя полчаса он смог воочию убедиться в истинности ее слов. На станции под названием Поляновка, в вагон вошла группа молодых людей и девушек. Держались они особняком, вели себя словно они все выпускники Йелля или Гарварда, одеты были стильно, заметно отличались манерами, на заполяновских смотрели с неприязнью.

– Можно подумать, что они не унитаза моют, как я, а в банке работают, – прошептала Таня, пододвигаясь к Олегу.

Он улыбнулся, близость девушки была приятна, а ее неприязнь к таким же, по сути дела, наемным работникам, забавной.

– Ты тулупинский? – поинтересовалась Таня, когда электричка добралась до вокзала. – Погуляем, может, у меня завтра выходной. Я тебе город покажу...

Это в планы Олега не входило, ему теперь нужно было работать в другом направлении – искать напарников, а ночевать он должен был у Сидоровой. Наталья Александровна все еще сохраняла свою полезность и ценность в для его «благих начинаний».

Олег завернул в обшарпанное здание вокзала, внутри оказалось гораздо уютнее, чем снаружи. Зал ожидания радовал глаз новенькой побелкой, картинками на стенах, обилием зелени. Правда, вход туда был платный, впрочем, как и в туалет. Билетные кассы блестели отполированными металлическими стойками, протертым стеклом. Первый этаж был поделен между многочисленными ларечками и магазинчиками, в которых продавали все, что нужно, по мнению их владельцев, пассажирам отправляющимся в дорогу – от газет и книг, ручек и лекарств, презервативов, открыток, мягких игрушек, всевозможной еды и питья и косметики, до санок, велосипедов, удочек и сачков.

Олег поднялся на второй этаж, делая вид, что изучает расписание. Сверху было лучше видно, что творится внизу. Его наметанный глаз сразу определил тех, кто ему нужен. В одном углу собралась небольшая группа возле очень худого, небрежно одетого человека. Он раздавал любопытствующим какие-то листовки, второй – упитанный коротышка с забавным лицом, что-то говорил, оживленно жестикулируя.

Олег спустился вниз и пристроился к толпе.

Коротышка с фигурой телепузика (пока мы не познакомимся с ним поближе, будем называть его Телепузик, а его худого приятеля – Скелет), со шляпой на голове, вместо антенны, вещал:

– Уважаемые граждане пассажиры, только сегодня и только мы проводим тур благотворительной лотереи «Два к одному». Вы приобретаете билетик нашей моментальной лотереи и тут же становитесь возможным обладателем однокомнатной квартиры в городе Тулупинске. Если номер на вашем лотерейном билете и номер вашего поезда совпадет, вы станете победи-

телем нашей лотереи. Всего пятнадцать рублей и ключи от квартиры в вашем кармане! Лотерея беспроигрышная, если три цифры номера вашего билета совпадут с серией вашего паспорта, вы станете обладателем аудио – и видеотехники, миксера или утюга, представленного на вот этой витрине. Если вы купите сразу пять билетов, то получите скидку.

Толстячок ткнул пальцем в стеклянную стену киоска, стоящего рядом. На полочках действительно стояли все перечисленные бытовые приборы, внутри висел небольшой плакатик – реклама лотереи. Зрители не торопились приобрести эти самые беспроигрышные билеты, вероятно, ждали первого смельчака.

Наконец какая-то молодая женщина созрела, она протянула десятку и сказала:

– Мне один.

Толпа с интересом уставилась на женщину. Давно потерявшая форму прическа, посеченные на концах волосы, прыщавое лицо, выступающая вперед челюсть, колготки гармошкой, кривоватые ноги и наивные глаза человека, верящего в чудеса.

Толстячок мигнул худому, и тот незаметным движением, не ускользнувшем, однако, от внимательного взгляда Олега, и оставшимся незаметным для остальных зрителей, достал из правого рукава несколько лотерейных билетов.

– Выбирай, красавица, – произнес он скрипучим голосом, каким вещают мертвецы в голливудских ужастиках.

«Красавица», зардевшаяся от такого комплимента, который мог отпустить только человек со слабым зрением или очень добрый, покраснела и выхватила один из билетов.

Она дрожащими руками развернула сложенный пополам листок и пискнула от неожиданности:

– Я выиграла! Я выиграла!!

Толпа зрителей заволновалась, не веря, что на их глазах, только что произошло невозможное.

– Вот, – девушка протянула листок «телепузику».

Толстяк с улыбкой взял листок и, шевеля толстыми блестящими губами, прочел вслух:

– Выигрыш, точно. Вам полагается еще один билет.

– Как билет, а квартира? – упавшим голосом произнесла девушка. – Там же написано «выигрыш»,

– Все верно, девушка. Жирным шрифтом написано слово – «выигрыш», а мелким «билет». Смотрите, пожалуйста, – он сунул девушке лотерейный билет. – Может, у вас паспорт с собой или билет на поезд есть, давайте проверим, – утешая, проговорил толстячок.

– Нету, я маму провожала, – произнесла чуть не плача девушка. – А, давайте, я сбегаю за паспортом, я живу тут неподалеку.

– Девушка, вам русским языком было сказано, лотерея моментальная, благотворительная. Тяните второй билет без разговоров.

Девушка покорно потянулась за вторым билетом, ловко подсунутым ей худым. Билет оказался без выигрыша, но лед был сломан, и народ начал покупать билеты. Время от времени раздавались выкрики – «Выигрыш!», но ничего существенного, пока никто не выиграл: два плюшевых зайца, парочка резиновых шариков, билеты на карусель. Однако народ ждал и не расходился. Наоборот, толпа обрастала любопытными, жаждавшими увидеть того, кто выигрывает квартиру или технику.

Наконец, появился первый крупный выигрыш, счастливицей оказалась бабулька в байковом халате, теплом платке, скрывающем лицо, и домашних тапочках. Олег был готов поклясться, что эта женщина – подсадная утка, но держалась она так естественно, что окружающие поверили в ее счастливую звезду.

– Вот, милочка, дай мне парочку билетов, я хочу внуку подарок сделать. Только сам читай, я без очков не вижу ничего.

Тощий выставил вперед билеты, и бабулька ухватила несколько листиков из-под самого низу.

Первые три билета оказались пустышками, за то четвертый и пятый, принесли удачу.

– Поздравляю, бабуля, вы выиграли, – воскликнул толстяк, – Электрочайник американский фирмы «Буш» и плеер с наушниками корейской фирмы «Самы не-сун-ся».

Толстяк нырнул в большой картонный ящик, стоящий за ним, и вытянул два прозрачных пакетика с перечисленными призами.

Старушка, цепко ухватив презенты, заторопилась к выходу. Наглядный пример везучести окончательно расшевелил зрителей, все кинулись приобретать билетки лотереи. Кое-кто, польстившись на скидку, покупал по пять-десять билетов. Но больших выигрышей не было, пока перед толстяком не оказалась женщина предпенсионного возраста в модных очках, с волосами, выкрашенными в фиолетовый цвет. Женщина была одета в брючный костюм и держала в руках хозяйственную сумку.

– Мне – десять, – сказала она, отдавая деньги.

Толстяк мигнул худому, и тот снова незаметно перетасовал билеты. Олег не сомневался, что эта женщина выиграет. Он уже обратил внимание на домашние тапочки, точно такие же, как и у выигравшей до того старушки.

Женщина выиграла миксер, фотоаппарат и наручные часы с браслетом. Получив призы, она поспешно удалилась. Второй крупный выигрыш подстегнул азарт зрителей, толстяк еле успевал складывать деньги, отсчитывать сдачу. Олег подсчитал, что парочка за какие-то полчаса нашибала приличное количество рублей. В пылу азарта Телепузик и Скелет не обратили внимание на парочку накачанных молодых людей, с бычьими шеями и бритыми крутыми лбами, неодобрительно разглядывающих толпу.

Олег понял, что парочка работает на чужой территории и без прикрытия, за такие вещи на любом вокзале полагается хорошая взбучка. Телепузик и Скелет так увлеклись, что забыли о собственной безопасности. Расплата не заставила себя долго ждать. Молодые спортсмены-бычки, раздвигая зрителей приблизились к лотерейщикам:

– Здорово, Толстый, опять промышляешь на нашей территории? – спросил один из них, самый накачанный, вероятно за главного.

– Здравсьте, – стягивая шляпу, ответил Телепузик.

Скелет молча кивнул головой, стараясь прикрыть своей тощей спиной коробку с призами.

– Мы, это, у Жорика... старушка-мама в больнице, нам на передачку... на операцию... мы заплатим!

Главный бычок повернулся к толпе, стоящей за ним, и зычным голосом скомандовал:

– Расходитесь, граждане, кина не будет! Механик сейчас кони двинет, – загоготал он, его «соратники» подхватили шутку.

Толпа испуганно бросилась врассыпную, оставляя Телепузика и Скелета наедине с братьями решать территориальные проблемы. Милиционеры, доселе маячившее на горизонте, испарились, словно по мановению волшебной палочки. Олег не двинулся с места, но активных действий предпринимать пока не собирался. Он терпеливо ожидал исход поединка. Он стоял у витрины соседнего ларька и сосредоточенно рассматривал памперсы, сравнивая достоинства и недостатки конкурирующих фирм изготовителей. Со своего наблюдательного пункта он хорошо видел и слышал происходящее.

Толстый, пытаясь как паровоз, пытался откупиться от хозяев территории, он то и дело снимал свою шляпу, промокая потную лысину огромным клетчатым платком.

– Кондрат, Кондрат, мы... это, заплатим, обязательно. У нас сейчас денег нет, мы только для пробы – пойдет или не пойдет, чисто символически...

Пока толстый оправдывался, худой, скрытый широкой спиной своего сотоварища, пытался незаметно перепрятать полученные купюры.

Кондрат, «увлеченный» беседой не заметил этих манипуляций:

– Хватит мне лапшу на уши вешать, я тебе не тостер, нечего меня гренками грузить! – перебил он толстого. – Чтоб ноги вашей на территории не было. Ящик с вашим барахлом и деньги я конфискую, в качестве компенсации. Понятно?

Мука отразилась на лице толстого, выбор между собственной шкурой и заработанными деньгами давался нелегко. Однако, разум взял верх над чувствами. Толстый вздохнул, обреченно махнул головой и отступил в сторону, увлекая за собой подельника. Шестерки Кондрата не спеша, вразвалочку, двинулись к ящику, а Толстый со Скелетом отступив еще на пару шагов, развернулись и кинулись со всех ног. Шестерки только заглядывали в огромный картонный ящик, а парочка уже скрылась из здания вокзала.

Олег, собравшийся было, за ними, притормозил, его несколько удивил последний маневр аферистов, вернее скорость их исчезновения. Ему стало любопытно и он остался посмотреть, что будет дальше. Парамонов не пожалел, дальнейшее стоило того. Качки принялись потрошить ящик, его содержимое оказалось весьма и весьма интересным. В ящике не было ничего ценного. Нет, он был полон, но полон всякой ерундой, не имеющей никакой ценности: десяток резиновых шариков; парочка упаковок изделия номер 1, отечественной резиновой промышленности; детские носочки ядовито-оранжевого цвета; стопка старых журналов «Пчеловодство»; пластмассовая терка, с десяток целлулоидных пупсов по рублю за штуку; штук десять небольших коробочек из-под плееров, наушников, фенов и прочей мелкой бытовой техники.

В каждой коробочке лежала половинка кирпича, тщательно завернутая в упаковочную бумагу. Это зрелище подействовало на Кондрата, как красная тряпка на быка, глаза его налились кровью, он начал выкрикивать угрозы вслух, долбить ногами пустой ящик, разлетевшиеся по полу коробки. Кондрат пнул одну из коробок со всего маху ногой и тут же шлепнулся на пол, завыв от боли. Кирпич выскользнул из коробки и шлепнулся рядом с ним, больно стукнув по колену. Это было последней каплей переполнившей чашу терпения бандита.

– Убью, гадов, в бетон закатаю, в морозильник посажу, сырое мясо жрать заставлю, сморкало отстрелю – рычал и вопил он, пытаясь достать из кармана пиджака ствол. Братки повисли на нем, не давая ему сделать этого.

«Соло» Кондрата не осталось без внимания, часть вокзала, где проводились показательные выступления, сделалась абсолютно пустой, испуганные ожидающие и провожающие, поспешили оставить здание вокзала, не желая становиться жертвами шальной пули бандитской разборки.

Парамонов не торопился покинуть свой наблюдательный пункт, от шальной пули он был скрыт стеной ларька, а светиться сейчас перед бандитом не было никакого смысла. К тому же, Олег хотел убедиться в своей догадке – милиция вокзала кормилась из рук Кондрата. Если это так, то никаких пугательно-карательных мер применено к нему не будет. Скорее обойдется увещевательно-просительными. Так и случилось. Минут через пять к Кондрату приблизился милиционер и что-то тихо начал говорить. Кондрат смачно выругался, но орать прекратил, шестерки помогли ему подняться с пола, отряхнули и отвели в сторону.

«Так, если у него берут взятки, значит и у меня возьмут. Своих в органах иметь не помешает», – подумал Олег, проворачивая в своей голове комбинации будущих махинаций.

– А парочка эта мне пригодится, молодцы! – произнес он в слух, вспомнив про Толстого и Скелета, – хорошо подготовились к афере.

Теперь оставалось только разыскать их и можно начинать действовать. Олег взглянул на часы и присвистнул – он безнадежно опаздывал к ужину. Если Сидорова проснулась, придется как-то объяснять свое столь длительное отсутствие в незнакомом городе.

Олег двинулся к расписанию пригородных поездов, последняя электричка на Заполяновку ушла пятнадцать минут назад. Вот черт! Придется ловить такси. Этот вариант устраивал его не очень, насколько он помнил таксисты не жаловали этот райончик. Ну, ничего можно

пообещать два счетчика или показать удостоверение майора ФСБ или милиции, на выбор. Таких корочек у Олега было припасено на все случаи жизни. Ими в столичных киосках торгуют как сувенирами. Покупаешь такую штуку, вклеиваешь свою фотографию, ставишь печать какого-нибудь общества, типа Федерации Служебного Собаководства и готово! Все в рамках закона, так как в удостоверении очень мелким шрифтом, в самом низу написано, что это – «подарочный, сувенирный экземпляр». К счастью, обыватели привыкли доверять корочкам этого цвета и не любят читать то, что написано мелким шрифтом, так что можно предъявлять смело. Особенно, в захолустье типа Тулупинска.

Олег вышел из здания вокзала к стоянке такси. К нему тот час же подскочили несколько шоферов на перебой предлагая свои услуги:

– Паедым, брат, давэзу с вэтерком, вах! – размахивал руками «брат» родом с Кавказа.

– Братан, ты на мою тачку посмотри, как раз для солидного клиента, – встрял другой шофер, указывая на отполированную иномарку.

– Мне на Заполяновку, – отозвался Олег на предложения водителей, те разом поскуцнели и разошлись. – Плачу два счетчика, – добавил Парамонов, – водители не отреагировали на его предложение.

Парамонов огляделся в поисках того, кто отвозил их в Заполяновку с Сидоровой в прошлый раз, дорогу знает – объяснять не придется, в прошлый раз отвозил – отвезет и в этот. Однако, мужичка нигде не было видно, наверное, катал клиентов.

Олег подошел к одному, второму, третьему – все безрезультатно, на Заполяновку никто не хотел ехать. Парамонов устроился на скамейке автобусной остановке достал пачку «Winston» и закурил, раздумывая как добратся до особнячка Сидоровой. Возле будочки остановки, на расстоянии протянутой руки, стояло недоразумение отечественной автомобильной промышленности – ярко-зеленый «Запорожец», за рулем которого восседал бородатый старикан в шапке-ушанке, смахивающий на того самого деда Мазая из детской книжки, который был службой 911 для зайцев, погибающих от наводнения.

– Дед, – поинтересовался Олег, – ты местный?

– Закурить не найдется? – отозвался дед Мазай.

Олег достал сигарету и протянул дедку, тот морщинистыми желтыми от дешевого табаку пальцами, ловко ухватил сигарету.

– Ишь ты, инпортная, – поцокал языком дед, разглядывая трофей. – Потом побалуюсь, – проговорил он, прибирая сигарету. Мазай пошарил рукой и выловил помятую пачку «Беломора», достал беломорину и, сделав три затяжки, ответил на вопрос Олега:

– Местный, местный я. Тулупинский.

Олег, потерявший надежду услышать от деда хоть что-нибудь оживился:

– Объясни мне тогда, почему никто из этих козлов меня везти не хочет.

– Какой же дурак тебя в Заполяновку повезет? – хмыкнул Мазай, – через десять минут поезд с челночниками придет, всем по городу, за каждую сумку по полтиннику. Работа на полчаса, а денег как за три поездки. А в твою Заполяновку мотылять час туда, да час обратно. И денег в четыре раза меньше, а возни больше. А еще на шантрапу напорешься на обратной дороге, деньги отнимут, машину покалечат, а может и вовсе – убьют. Сегодня выходной – дискотетка у них. Как напьются – шалят. Заполяновские, поляновские, маскалевские бьют тулупинских. Понял? – разъяснил дедок.

– Ну и что же мне теперь делать, до завтра тут сидеть? – уточнил Олег.

– Зачем до завтра, я отвезу, – отозвался дедок. – У меня машинка маленькая, мешки сюда не грузятся, много народу не возмешь, хулиганье на мою развалюху не позарится, доедем с ветерком.

– Спасибо, отец, выручил, – произнес Олег, усаживаясь рядом со стариком, – Сколько я тебе должен? – поинтересовался он у водителя.

Дедок пожевал беззубым ртом и назвал умопомрачительную, по тулупинским меркам, сумму (в столице, конечно же за такие деньги до ближайшего метро не довезут, но для провинции сумма была приличной). Олег на мгновение замер, но деньги отдал:

– Прям Гобсек какой-то, грабитель с большой дороги, – проворчал Парамонов, убирая бумажник.

Дедок, хитро усмехнувшись, вставил:

– Рынок, капитализма проклятая, мать ее, ети за ногу. В былые времена я бы тебя бесплатно с большим удовольствием, прокатил, а нынче нельзя. У меня внучка – студентка, на платном факультете учится, челюсть новую вставлять надо, бензин дорогой, мать его ети, бабка новый холодильник требует: «Не хочу, говорит, „Минск“ задрипанный, хочу говорит, „Стинул“ какой-то, мать его ети за ногу, двухкамерный с морозилкой». А на пенсию, сам понимаешь, не разгуляешься. Вот и приходится зарабатывать на жизнь хитростью, да ловкостью.

– Тебя звать-то как, дед, – на всякий случай, спросил Олег, прикидывая, пригодиться ли ему такой человек.

– Меня? А тебе на че? Ты часом не из налоговой? Так у меня все равно бессонница, заплачу налоги – не заплачу, все равно спать спокойно не буду, – захихикал дедок. – Митричем меня кличут, дедом Митричем.

– Слушай, Митрич, а чего это ты в ушанке? Не сезон вроде, – обратился Олег к старику.

– Так, энто у меня сейф, – отозвался словоохотливый старикан. – У нас тут Кондрат верховодит, так шоферы ему одну пятую заработанного отдают (пятину). Я в бардачке немного для разводу оставляю, а все остальное в шапку складываю.

– Митрич, а ты не боишься, что я от этого вашего Кондрата? – произнес серьезным голосом Олег.

Митрич окинул Олега проницательным взглядом и буркнул:

– А я что, я ничего, так, пошутковал немного! Никакой энто не сейф, у меня лысина забьет, вот. А деньги я отдаю как положено.

– Ладно, ладно, – успокоил его Олег, – я пошутил, извини, видел я вашего Кондрата сегодня на вокзале. Мерзкий тип.

Митрич вздохнул с облегчением и снова затараторил как ни в чем не бывало. К концу поездки Олег знал биографию старикана, его родственников, домашний адрес и контактный телефон, вернее его отсутствие.

– Да меня, если понадобится, завсегда на этом самом месте, у остановки, найти можно. Так что, если что, я со всем удовольствием... – откликнулся он на просьбу Олега оказать некоторые услуги, если потребуется. За солидное вознаграждение, разумеется.

Олег вышел из машины за несколько домов от особнячка Сидоровой, Наталье Александровне, если она его разыскивает, знать, что он был в городе, вовсе не обязательно. Олег заглянул в один из дворишков по соседству, прямо около забора была разбита клумба. Он прислушался нет ли собак или хозяев дома во дворе, перелез через забор и нарвал букет. Название этих цветов он не знал, но букет получился миленький, пышный и пахучий, как раз в стиле Сидоровой.

Олег быстрым шагом направился к калитке уже знакомого дома, света нигде не было видно. Вероятно, хозяйка все еще спала, а прислуга не вернулась. Олег, стараясь не шуметь, открыл дверь и вошел в дом. Прислушался – тишина, Парамонов обрадовался своему везению, нет объяснений – нет проблем. Рыться в шкафах Натальи он не стал, на кухне нашлась двухлитровая банка с бултыхающимися на дне ветками укропа и парой огурчиков. Олег выплеснул содержимое банки в мусор, сполоснул, набрал воды и поставил букет туда.

Он открыл холодильник в поисках чего-нибудь съестного, отыскал банку красной икры, хвостик копченой колбасы и кусок сыра Рокфор. Хлеба в хлебнице не оказалось, зато отыскалась пачка сухого печенья. Олег соорудил подобие трехслойного бутерброда, запил свой скром-

ный ужин водой из-под крана. Он прибрал следы своего пребывания на кухне, погасил свет и пробрался в спальню к Сидоровой. Женщина лежала в той же самой позе, в которой он ее оставил. Олег разделся, стараясь не глядеть на это довольно омерзительное зрелище: размазанный макияж, сбившаяся прическа, оголенные тела, подрагивающий от легкого храпа тройной подбородок не прибавляют очарования – и улегся рядом с Сидоровой.

Теперь нужно было расслабиться и постараться уснуть. Главное, представить, что рядом с тобой хорошенькая... Нет, если себе представлять это, то никакого сна тем более не будет... Нужно остановиться на чем-нибудь нейтральном, какое-то животное... Тьфу ты, черт. Животное, опять кошмары будут сниться, бегемотиха на арене... Нужно считать баранов... Один баран перепрыгнул через забор, второй баран перепрыгнул через забор, третий баран...

В районе второй десятки прыгающих баранов Олег заснул.

* * *

– Доброе утро, пупсенок, – проговорил чей-то голос над ухом Парамонова.

– Отстань, – сквозь сон буркнул Олег, перевернувшись на другой бок.

– Олежек, Олеженька, мамочка завтрак приготовила, вставай котенок, – проворковал чей-то грубоватый голос. – Дети в школу собирайтесь, петушок пропел давно, – безбожно фальшивя, проскрипел все тот же голос.

С Олега потянули одеяло – по ногам, ягодицам спине пробежал холодок.

– А что это у нашего сладенького мальчика? Ах, какая по...

Тут до Олега дошло, где он находится, кто с ним разговаривает, и то, что «сладенький мальчик» – это он, абсолютно голый и незащищенный, перед влюбленной теткой, а «это» – его собственная задница.

Олег подскочил, перевернулся в воздухе и натянул на себя краешек одеяла, дернув его из рук Сидоровой. Нет, Парамонова смущало не то, что он неглиже, кверху «ж». Спасибо родителям и матушке природе, сложен он был превосходно, мускулы имелись, лишнего жира не наблюдалось, чему положено оттопыриваться – оттопыривалось, чему положено быть втянутым – втянуто. Ему просто не хотелось провоцировать Сидорову на проявление бурных чувств сию минуту, оно и понятно, кто из вас, читатель, хотел бы оказаться на его месте? Разве только любители, толстых, обрюзгших дам, после пятидесяти. Возможно, есть и такие, так что заранее просим извинения, просто Олег к таковым извра... простите, любителям, не относился.

– Доброе утро, – произнес он, протягивая руку за трусами, аккуратно висящими на спинке кровати.

– Доброе, доброе, только скорее не утро, а полдень. Как спалось? – произнесла Сидорова, присаживаясь на край кровати, как бы случайно распахнув халат, демонстрируя пышные розовые кружева своего нижнего белья. Она наивно полагала, что розовые кружева неотразимо действуют на мужчин, делая женщину более желанной и привлекательной. Возможно, но только не Сидорову. В розовых кружевах она была похожа на кусок торта с жирными-прежирными масляными розочками, способными вызвать у любого нормального мужчины только изжогу.

– Пожевать бы чего-нибудь, – перевел разговор в более безопасное русло Олег.

Однако Сидорову сбить с темы не удалось:

– Шалунишка, опять воспользовался моей слабостью, напоил бедную женщину и соблазнил, хы-хы-хы-хы, – бюст Натальи заколыхался, как море на картине Айвазовского «Девятый вал». – Нарезвился, аппетит нагулял, – Сидорова пригрозила своим огромным «пальчиком» Олегу. – Ладно, завтрак уже накрыли на веранде, прими душ и выходи.

Сидорова удалилась, прикрыв за собой дверь. Олег быстро подскочил, натянул плавки и нырнул в ванную. Задвижки на двери не было, Парамонов чертыхнулся. Впрочем, Сидорова жила довольно уединенно, прислуга в личные покои заглядывала только в отсутствие хозяйки,

закрывать в собственной ванне от кого-нибудь было для Натальи Александровны без надобности. Олег быстренько принял душ, провел рукой по щекам, отросшая щетина уже царапала ладонь. Ладно, и так сойдет. Олег накинул на себя халат, пришедшийся ему в пору. Халат, наверное, остался от бывших любовников Сидоровой, питавшей слабость к накачанным, рослым, молодым мужчинам.

Олег вышел на веранду и полной грудью вдохнул пряный чистый воздух. Пахло садом, цветами, солнцем, покоем. В центре застекленной веранды стоял огромный круглый стол, вокруг которого были расположены удобные плетеные кресла. На столе стоял настоящий самовар, вокруг него расставлены всевозможные закуски, тарелки, тарелочки, вазочки: нарезанная колбаска, сыр, балычок, икра. Одурающе пахли дымящиеся румяные блинчики с мясом.

– Доброе утро, Олег Константинович, – поздоровалась с Парамоновым женщина лет сорока, держащая в руках блюдо с пирожками.

Парамонов поздоровался:

– Доброе, ваших рук дело? – спросил он, указывая на стол, уставленный едой.

Женщина кивнула головой и добавила:

– Я у Натальи Александровны давно работаю, раньше в ресторане работала, да у нас сокращение большое началось, вот сюда и перешла. А...

– Вышел, Олежек, – прервала начавшийся было разговор Сидорова. – Настя, это мой племянник, я тебе уже говорила, поживет у меня немного. А это Настя – моя повариха, – уточнила «ху из кто» Сидорова, усаживаясь рядом с Олегом.

Парамонов усмехнулся, племянник, значит, племянник. Тем лучше, первую половину дня можно не опасаться за свою нравственность, на глазах у прислуги Наталья ни за что не станет компрометировать себя. Без поцелуев и объятий украдкой не обойдется, но это мелочи. От таких мыслей Олег повеселел и с аппетитом принялся уплетать завтрак, достойный занять место в романе Рабле по количеству, качеству и размерам, подаваемых блюд. Сидорова, успевавшая, любоваться Олегом, поела завтрак с меньшим аппетитом, ухитрялась вести разговор. Вернее, говорила только она, Олег кивал головой или угукал с набитым ртом.

– Я думаю, что нам нужно начать со знакомств с деловыми людьми нашего города сегодня. Как раз понедельник, все вернулись со своих «уикендов».

Надо полагать, Наталья Александровна имела в виду «weekend», уикэнды).

– Угу, – согласился Олег, пережевывая блинчик с мясом.

– Мне как раз нужно в банк заскочить, по поводу кредитов поговорить, хочу новую линию открыть, тебе тоже будет это полезно. Знакомство с финансами...

– Ага, – отозвался Парамонов, закусывая маринованным слегка влажненьким, хрустящим, крепеньким опенком.

– Потом, съездим в мэрию, мне один склад приглянулся, попробую его в аренду отжать. Мэр, конечно, жадная скотина, придется подмазать, что поделать... А тебе это тоже пригодится. Наш мэрин из чужих рук денежку не возьмет, а ты будто при делах. Значит, по надобности сможешь потом сунуться к нему с просьбой и денежкой, само собой.

– Угу, – откликнулся Олег, опрокидывая в рот запотевшую хрустальную стопку с «Гжелкой».

Завтрак прошел в рабочей обстановке, в духе взаимопонимания и сотрудничества. Наталья удалилась в свою комнату переодеться для рабочих визитов, Олег натянул на себя суперделовой костюм очень известного модельера – скромненький, но безумно элегантный и дорогой. Воспоминания о Цицилии Львовне царапнули душу. Как она, интересно, там, горюет ли она о пропаже молодого любовника или золотых монет из коллекции покойного мужа, а, может, уже утешилась в компании другого молодого красавца? Олег в очередной раз недобрым словом вспомнил Ивана Ивановича Иванова, человека с простым именем и фамилией и такой непростой судьбой. Чтоб его черти разодрали, чтоб ему пусто было! Ладно, главное, что теперь он

далеко и оставит его, Олега Парамонова в покое. По крайней мере, ему в голову не придет, что Парамонов не удрал за границу, а налаживает жизнь в Тулупинске.

Ничего, они еще услышат об Олеге Парамонове. Главное, толковых помощников набрать, общипать всех этих Сидоровых, Петровых и прочих жителей Заполяновки, Поляновки, а тогда и за границу махнуть можно, в Италию, например. Если у тебя есть лиры, а тем более баксы, Италия – рай земной. Олег давно уже хотел вернуться на свою вторую родину, но вернуться победителем, а не нищим эмигрантом, мойщиком посуды или сборщиком ненавистных апельсин, надоевших ему за время скитания по Италии хуже горькой редьки.

– Дорогой, – прервала его размышления о будущем Сидорова, – ты готов?

Олег едва сдержал улыбку при виде своей спутницы. Наталья Александровна выплыла в огромной шляпке с перьями, смотревшейся на ее голове так же уместно, как скафандр на голове балерины. Шляпка, без сомнения, была очень дорогой и стильной, но носить ее рекомендовалось дамам не с такой рязанской ро... пардон, лицом. На крепенькой шее Сидоровой, торчащей из глубокого декольте, покоилось несколько витков золотой цепи в палец толщиной. В ушах колыхались огромные бриллианты, смотревшиеся в ушах хозяйки дома, как самая обычная подделка. На каждом пальце красовалось по кольцу, на запястьях по широкому золотому браслету, у корсажа болталась золотая брошь в виде подсолнуха (по размерам приближающаяся к реальному цветку с капельками росы – россыпью бриллиантовой крошки. Если бы Сидорова вышла без чулок, то и на ногу ухитрилась бы натянуть браслет. Кстати говоря, у нее был один такой, в нем Наталья Александровна разгуливала по дому, когда была одета попростому – в парчовый домашний халатик.

Костюм Сидоровой состоял из юбочки, на два пальца не доходившей до колена и пиджачка с глубоким вырезом спереди, ткань плотно обтягивала ядреное тело Сидоровой, подчеркивая «достоинства». Несомненно любой японец, обожающий борьбу сумо, нашел Сидорову невероятно привлекательной. Но мы, как говорится, не японцы и сумо не наша национальная борьба, Олег взял себя в руки и пробормотал:

– Ты просто великолепна, дорогая.

– Нравится? – кокетливо произнесла Наталья, пытаясь грациозно повернуться на высоких каблуках. – Мне в бутике, – слово «бутик» произнесла она с ударением на первый слог «бу», – продавщица сказала, что у Аллочки, точно такой же. Их всего три на всю Москву. Один Филипп подарил Алле, второй у жены Лаосского посла, а третий – у меня. Повезло, что я его вовремя заметила, в переходе метро, возле Детского мира. Тем более мне так удачно попало, я его за полцены купила в распродажу. Миленький, правда?

Олег молча закивал головой, боясь рассмеяться ей в лицо. Ну и дура, за полцены, в распродажу, в переходе метро... за такую цену, которую она назвала, можно было действительно что-то стоящее купить, настоящее, а не фуфлю поддельное... Нет, если все жители Тулупинска такие идиоты, каждый час промедления смерти подобен. Надо скорее начинать работать!

Олег, не замечая того, стал напевать вслух слова песенки из детского фильма, про Бура-тино: «несите ваши денежки... заройте ваши денежки, на поле, поле, поле чудес!»

– Олежек, ты что? Сам с собой разговариваешь? – произнесла Сидорова, оглядывая себя в последний раз в большом зеркале.

– Да, прекрасно, замечательно, – отозвался Олег, не слыша ее вопроса.

Женщина приняла его растерянность за ступор, вызванный восхищением ее персоной, она обернулась и потрепала Олега по щеке своей пухлой ладошкой, похожей на ласт морского котика или тюленя.

– Вперед, мой пупсик, сначала по делам, потом в Женский Клуб. Я тебе о нем по дороге расскажу. Да, ты машину водишь? – на ходу поинтересовалась она, – мне бы не хотелось брать шофера, лишние уши и глаза нам ни к чему.

– Вожу все, что движется, от трактора до мерседеса, самолетом управлять не пробовал, но при желании смогу, – пошутил Парамонов, открывая дверь перед Натальей Александровной.

Та восприняла его высказывание на полном серьезе:

– А что, это мысль. У нас за лесом аэроклуб есть, если хочешь поучишься, арендуем самолетик и будем летать в Тулупинск. В Америке это принято, я читала, – добавила она, мечтательно поднимая глаза к небу.

– Ага, кукурузник зафрахтуем, – усмехнулся Олег.

– Зачем нам кукурузник? У нас здесь кукуруза не растет, чем мы его заправлять будем? Нам надо что-нибудь на бензине или на керосине, на худой конец. Нет, лучше на бензине. Керосин воняет сильно, – произнесла она, открывая гараж.

В просторном, светлом сухом гараже стояла машина и мотоцикл. Машина была так себе, обычная иномарочка, каких пруд пруди, без особых излишеств. На таких сплошь и рядом пересекают родные просторы зажиточные слои нашей необъятной родины, косящие под новых русских. А вот мотоцикл был самый настоящий Харлей из Девидсонов, на таких пересекают по Америке крутые байкеры.

Олег едва сдерживаясь, чтобы не кинуться к этому чуду, как можно безразличнее спросил:

– Откуда у тебя этот драндулет? На рыбалку ездешь?

Сидорова скривила недовольную физиономию:

– Да так, хотела зятю подарочек сделать, давно еще... Да только этот говнюк вовремя сущность свою гнилую показал, теперь это железо стоит тут, гараж захламляет. Едем, некогда болтать, – напомнила она о предстоящих деловых визитах.

Олег распахнул перед ней дверь машины и уселся на водительское место. На заднем сиденье лежала водительская фуражка – в таких в кино развозят американские водители своих хозяев. Олег натянул фуражку на голову и произнес:

– Куда изволите, мадам?

– Прямо, – ответила Сидорова, погруженная, видимо, в воспоминания о своем зяте.

«Интересно, чем он ей не угодил, – подумал Олег, разглядывая суровую складку, залегшую между бровей Сидоровой. Надо у Нasti осторожненько расспросить, на всякий случай, чтоб не вляпаться».

До Тулупинска они добрались довольно быстро, дорога была ровной, асфальт хороший. Движение застопорилось в самом Тулупинске, начались пробки, объезды, ремонты дорог, выбоины, светофоры, дэпээсовцы, желающие вкусно и часто кушать – и прочая ерунда, которая осложняет жизнь любому владельцу авто в любом мало-мальски большом городе.

Первая половина дня прошла в плодотворных блужданиях по важнейшим для делового человека учреждениям: банки, городская администрация. Сидорова всюду, как бы невзначай, заговаривала о бизнесе Олега, раздавая его визитки с номером мобильного телефона, приглашая нужных людей на небольшой пикничок в честь хорошей погоды и ее возвращения. Спустя два дня физиономию Олега узнавали во всех учреждениях, где по делу собирались все тулупинские бизнесмены. Однако уже в первый день, Парамонов понял, что связи Сидоровой и ее влияние не такое уж огромное, каковым она себе представляла. На уровне заполяновских обитателей, Наталья Александровна, безусловно, была видной фигурой. Но вот поляновские существовали в других сферах, высшего порядка, и деньги крутили гораздо крупнее. Это Олег отчетливо понял, после посещения «Женского клуба», куда в первый же «рабочий» день потащила его Сидорова.

«Женский клуб» был самым современным заведением красоты в Тулупинске. Государство в государстве. Здесь были сауна, массажный салон, бассейн, тренажерные залы, парикмахерская, солярий, маникюрные кабинеты, ресторан, ювелирный магазин, зимний сад, магазин модной одежды, стоматолог, адвокатское бюро, детская комната, кинотеатр и даже библиотека,

в которой не было ни одной книги, за то журналы на любой вкус, цвет, фасон, для женщин любой ориентации, любой профессии и любого вероисповедания.

Женщина, имеющая средства конечно же (собственные, родительские или мужа) могла занять себя с утра до самого вечера. Привести себя в порядок, отдохнуть от детей, побаловать себя дорогой безделушкой, составить брачный контракт или развестись – и все это, не выходя из здания «Женского клуба». Естественно, что мужчины имели право посещать это заведение, за исключением пары кабинетов, вроде тех, где занимаются депиляцией и еще тем, что должно быть скрыто от мужских глаз. Однако мужья здесь бывали редко, зато любовники – постоянно. Сидорова потому и тянула Олега в клуб, чтобы продемонстрировать перед товарками свое новое приобретение. Олегу же она сказала, что здесь собираются жены и любовницы всех влиятельных мужчин города, знакомство с ними, конечно же поможет Олегу в налаживании деловых связей.

В «Женском клубе» бывали как заполяновские, так и поляновские дамы, но держались они особнячком, двумя группками. Занимали каждый свою половину бассейна, каждый свою половину тренажерного зала, свои столики в баре и ресторане. Заполяновские люто ненавидели поляновских, те же снисходительно смотрели на своих сестер «победнее». Олег сразу же уловил это разделение территории, оценил качество драгоценностей, прикид, стоимость автомобилей, на которых приезжали поляновские, и сделал вывод: с Сидоровой нужно расставаться, она вывела его на орбиту, теперь надо искать станцию стыковки помощнее. В кратчайший срок нужно было навести справки и подобрать кандидатуру.

Два часа проведенных в клубе принесли много ценной информации, Олег ухаживал за дамами, приносил из буфета холодное шампанское, шоколад, помогал выбирать подарки, раздавал комплименты и слушал, слушал, слушал. Через два часа он знал, кто входит в двадчатку самых богатых и уважаемых людей Тулупинска (это были, в основном все, кто большую часть года проводил в Поляновке), знал по именам всех крупных чиновников Тулупинска, их любовниц, их слабые стороны и пристрастия, места проведения отдыха: Кандуновские бани, Стриптиз-клуб «Бахчисарайский Фонтан», Казино «Золотой ключик» и местный ипподром.

В этой двадчатке было три женщины – одна, вдова местного авторитета, вторая – любовница члена правительства, третья – настоящая бизнес-леди, собственными руками сделавшая себе состояние, вложенное в недвижимость, предприятия по всему земному шару. Дама половину жизни прожила за границей, вернулась в город где родилась и выросла и решила обосноваться здесь. В Тулупинске она проводила всего лишь часть года – осень и весну, лето – в Поляновке, зиму – в Париже, Милане, Мадриде и так далее.

В течение нескольких дней Олег активно знакомился с деловой и светской жизнью Тулупинска. Тулупинцы оказались на удивление доверчивыми и наивными. Они охотно выслушивали проекты Олега, советовали, куда вложить деньги, обещали поддержку и финансировании его проектов в случае надобности. Олег примечал, мотал на ус, очаровывал жен, любовниц, дочерей и тещ, справедливо полагая, что путь к кошельку бизнесмена лежит через его ближайшее женское окружение. Буквально через несколько дней Олег взял свой первый в Тулупинске кредит, его поручителями была Сидорова и две ее соседки по Заполяновке. Сумма была не бог весть какая (Наталья Александровна не могла, да и не любила рисковать по-крупному, она поручилась только за эту цифру) в былые времена через его руки проходило и больше. Но первый кирпичик в пирамиду его финансовой независимости был заложен.

Олег, стараясь избежать проявления пылких чувств Сидоровой, ссылаясь на занятость в делах, уходил рано, приходил поздно. Даже в те дни, когда он появлялся к ужину, ночи Олег ухитрялся проводить в другом месте. А именно, в Поляновке, куда каждую ночь отправлялся на «Харлее», дождавшись, когда Сидорова заснет.

Поскольку следующим в его планах числился населенный пункт, именующийся Поляновкой, вернее, его дамы, способные открыть ему доступ к большим деньгам, Олег решил изу-

чить вопрос с низов. С обслуживающего персонала. Замахиваться на секретарш, компаньонов, домашних учительниц он пока не решался. План Олега, как и все гениальное, был прост. Попасть, если понадобится, в большие дома через кухню или прачечную. Там работали местные поляновские девчата, грезившее о принце, который увезет их в Тулупинск. Появление Олега в один из вечеров в единственном месте развлечения для малоимущих слоев населения – поляновском Доме культуры, именующемся в простонародье – клуб или дискотека, произвело фурор.

Затянутый в кожу красавец-мотоциклист мог оказаться как раз тем самым принцем на белом коне. Олег был гвоздем вечера – при желании он мог бы увести за собой всех этих рыженьких, черненьких, худеньких, толстеньких, как музыкант с волшебной дудочкой в одной из сказок, который с помощью этого незатейливого инструмента увел из города всех детей. Однако Олег не пытался попасть в книгу рекордов Гиннеса таким образом, сеанс одновременных свиданий не был его целью. Его задачей был сбор информации. За несколько ночных поездок в Поляновку Олег собрал массу ценнейшей информации, покориł сердечки целой дюжины девчонок и исчез, словно ветер в поле, оставив после себя только воспоминания.

Олег был готов действовать. Деньги у него были, планы тоже.

Предстояло разыскать Толстого и Скелета, открыть счет в каком-нибудь банке и собирать, собирать, собирать денежки, которые жители Тулупинска и его окрестностей понесут ему на блюдецке. Сами, в очередь!

Парамонов уже снял в городе хорошенюкую квартирку, присмотрел небольшую фирмочку для приобретения. Просили за нее сущие копейки, фирма занималась всякого рода консультативными услугами, покупками-перепродажами, ни в каких аферах замечена не была... Пора было приступить к самостоятельной жизни. Оставалась одна проблема – Сидорова. С ней нужно было проститься по-хорошему, так как его положение, пока еще, зависело от ее друзей и подруг. Олег ломал голову, прикидывая и так и этак, каким образом избавиться от своей «покровительницы». Ему помог случай.

Вернувшись из Тулупинска пораньше, для того, чтобы сказать «последнее прости», Олег застучал Наталью Александровну в объятия какого-то парня, который, как оказалось в последствии, был ее новым инструктором по плаванию.

Наталья Александровна в вызывающем бикини, которое на теле скорее вызывало ужас, нежели что-нибудь другое, лежала в шезлонге, возле нее на коленях стоял молодой человек, натирающий необъятную спину Сидоровой каким-то кремом. Наталья, блаженно шурясь, что-то тихо говорила.

Последняя фраза и была услышана Олегом.

– О... мой пупсик, я тебя обожаю!

Парамонов тут же использовал пикантность ситуации, он размахнулся и запустил дипломатом в садовый столик, стоящий под тентом. На столике, накрытом на две персоны, в ведерке со льдом стояла полупустая бутылка шампанского, остатки закусок.

Столик качнулся и опрокинулся, посуда с грохотом шлепнулась наземь. Полуобнаженный мужик от неожиданности шлепнулся на Наталью Александровну, шезлонг не выдержал массы двух разгоряченных тел и хрустнул, увлекая Наталью и ее гостя на пол. На шум из дома выскочила Настя.

– А-ааа, дерр-ржите меня, дер-жите меня, – дико вращая глазами, заорал Олег, – изменница, держите меня, я убью его, разорву, задушу! – рычал он, размахивая руками.

Настя кинулась на Олега и повисла у него на плечах, пытаясь удержать от нападения на Сидорову и ее любовника.

– Дайте мне нож, я застрелюсь, Нет лучше яду, я утоплюсь!!! – кричал Олег, пытаясь стряхнуть с себя повариху.

– Помогите! Караул! Убивают! – истошно вопила Наталья Александровна, пытаясь выбраться из-под шезлонга и тренера по плаванию.

Соседи и прислуга, привлеченные истошными воплями, прильнули к заборам с обеих сторон, разнимать скандалящих они не торопились. Нечасто в Заполяновке можно было развлечься подобным образом, происходящее будоражило кровь получше сериалов. Соседи строили догадки: что случилось, кто виноват. Кто-то злорадствовал, кто-то жалел, кто-то азартно давал советы: куда бить, куда бежать, что делать.

Наконец, на вопли из гаража выбежал шофер, он помог Сидоровой подняться с земли, шуганул непрошенных зрителей и привел в чувство Олега.

– Олежек, это совсем не то, что ты думаешь, вернее не совсем то... – пыталась объяснить Сидорова. – Это Вася, мой тренер по плаванию. Я решила научиться плавать... Вот и все. Он у нас уже несколько дней, просто ты был страшно занят...

– Вася? – подняв бровь и саркастически усмехнувшись, произнес Олег. – Уже несколько дней? Понятно! И где ты его «выловила», этого пловца?

– Где? В баре, нет... в... Спортклубе, в баре Спортклуба, – оправдывалась Сидорова, – Олег, Олежек, ты сам виноват... твои дела... Тебя нет... А я живая женщина... – призналась наконец-то Наталья, – Вася, он тоже детдомовский, и я тоже напостила ему...

– А я-то идиот, считал вас Наталья Александровна своим идеалом... Вы позволили мне полюбить себя, а теперь оттолкнули... Да, вы похожи на мою мать, но только в другом. Она – родила и бросила, вы полюбили и обманули... – с пафосом, достойным шекспировских героев произнес Олег. – Я не могу оставаться здесь... Прощайте, вы были самым прекрасным в моей жизни.

Сидорова, обрадованная, что мордобоя с кровопролитием не будет, согласилась с его уходом:

– Пупсик, я не хотела тебя обидеть, если понадобятся деньги, я всегда готова помочь! Возьми с собой, все что захочешь, на память, – добавила она, осторожно укладывая в шезлонг своей большое тело для дальнейшей процедуры натирания кремом.

– Василий, я вся горю... Мажь дальше, – командовала она, закрывая глаза.

Олег быстрыми шагами двинулся к дому, стараясь скрыть ликование. Хорошо пошло! И от этой бегемотихи освободился и своим делам не навредил. Парамонов, прежде чем собрать свои вещи покинуть этот дом, направился в кабинет к Сидоровой, ему нужно было просмотреть кое-какие деловые бумаги Сидоровой, в его планах она была первым кошелечком.

Возможно, читателю покажется неэтичным поступок Парамонова, но он с детства был приучен к мысли, что разделение на женщин и мужчин – чистая условность, которой придерживается небольшая группа особо щепетильных товарищей. Мир давно уже разделился на везунчиков и банкротов, лохов и прожженных мошенников. Помогите себе сам, успевайте вперед конкурента. Все обманывают: банки – вкладчиков, правительство – граждан, жены – мужей, дети – родителей. Только одни по-крупному, другие – так, мелочь по карманам тырят.

Олег оглядел апартаменты, бывшие на пару дней для него пристанищем, но ни сожаления, ни горечи он не испытывал. Впереди его ждала новая интересная бурная жизнь, в которой он, Олег Константинович Парамонов добьется всего чего захочет.

Олег вышел из дома, прошел к гаражу, на память он решил забрать «Харлей». Не пешком же ему тащиться, тем более, что Наталья эта зверь-машина без надобности, а ему пригодится.

* * *

«Уважаемые граждане и гости города Тулупинска! Только сегодня и только один день в нашем городе дает оздоровительный сеанс известный знахарь, белый маг, экстрасенс, потомок тибетских лам, ученик известного белого мага Юлия Конго – Ибн-бетта-шао-линь! При-

обретайте билеты у наших распространителей и вы не пожалеете. Ветеранам Отечественной войны 1812 года, пенсионерам отряда космонавтов, грудным младенцам и беременным пожилым женщинам – скидки. В конце выступления Маг и Экстрасенс проведет серию консультаций. Полнейшее излечение от икания, изжоги, потливости ног, предотвращение нежелательной беременности, самопроизвольного слюноотделения, лечение слабости, возвращение ушедших мужей, удачи, денег, кошек и собак, хомячков, укрощение свекровей и тещ! Ждем вас по адресу: Бывший клуб „Красный текстильщик“.»

На это объявление Олег наткнулся совершенно случайно, тогда, когда уже потерял всякую надежду найти Толстого со Скелетом. Уже несколько дней он бродил по вокзалу и близлежащим окрестностям, расспрашивал у деда Митрича, не видел ли он эту парочку, прогуливался по значным местам – все безрезультатно.

«Неужели я ошибся, и Толстый со Скелетом – не профессионалы? – рассуждал Олег, – еще ни разу его чутье, спасавшее ему жизнь, помогавшее выпутываться из сложных ситуаций, подсказывавшее ему замечательные комбинации, ни разу не подводило его. – Люди, зарабатывающие на жизнь всевозможными аферами, не могут перестать заниматься этим. Это все равно, что перестать дышать или не петь в ванной, когда принимаешь душ, или не чесаться, когда очень чешется».

Выходило, что чутье Олега дало сбой. Сладкой парочки нигде не было видно. Может быть, они гастролеры и покинули город, как только столкнулись с пацанами Кондрата? И вот когда надежда разыскать аферистов помахала ручкой, Олегу попалось объявление.

Гарантии, что это за сложным псевдонимом «Ибн-бетта-шао-линь» скрывались Толстый со Скелетом не было. Зато в том, что объявленный сеанс – чистой воды мошенничество, Олег не сомневался. До боли знакомые обороты речи, ссылки на известных лиц, обещания, – все указывало на то, что в городе работают коллеги. Правда он уже давно не занимался такими вещами, в крупных городах мода на экстрасенсов прошла, фамилии Чумака, Кашпиrowsкого почти стерлись и забылись неблагодарными потомками. Однако в средних и маленьких городах всевозможное знахарство, экстрасенсорика в небольших дозах могла принести определенную прибыль.

Олег отправился в бывший «Красный текстильщик», для того чтобы убедиться в правильности своих догадок. Клуб находился на окраине Тулупинска, раньше он принадлежал одноименному заводу – «Красный текстильщик», процветавшему в эпоху, которую сейчас принято называть застойной и консервативной. «Красный текстильщик» был одним из немногочисленных фабрик, на которых шили пионерские галстуки.

Быть может, те из читателей, чье детство и отрочество пришлось на постперестроечные годы даже не знает, что это такое, но вот более старшее поколение безусловно помнит. Треугольный кусочек кумача, аккуратно обработанный со всех сторон, был не просто красной тряпичей, он считался частицей красного знамени, символом эпохи, атрибутом пионерского детства. А символы в те времена оплачивались хорошо, шить их нужно было в большом количестве. Так как повязывали галстуки не только малым детям, но и почетным пионерам – пенсионерам Всесоюзного значения, космонавтам, артистам, гостям зарубежья. Фабрика отгрохала шикарный по тем временам трехэтажный клуб, имела пионерский лагерь, санаторий, профилакторий, детский сад, общежития и даже свой собственный стадион.

Однако время Пионерии закончилось, пионерские галстуки канули в лету, государственные дотации прекратились, фабрика пыталась было перестроиться на красные спортивные майки и трусы, но увы! Рабочих сокращали, зарплату задерживали. Все мало-мальски ценное пришлось продать: с молотка пошли бывший пионерский лагерь, садик, стадион, профилакторий, общежития. Остался только клуб. На трехэтажное здание на окраине города, к тому же давно не отремонтированное, желающих покупателей не нашлось. Клуб числился на балансе

полумертвой фабрике. Часть его помещений сдавалось в аренду, на третьем этаже жили те, кто лишился общежития, но все еще служили на фабрике.

– Идиоты, – пробормотал Олег, разглядывая клуб. – На что они рассчитывают?

Олегу было достаточно одного взгляда на собравшуюся толпу, чтобы подсчитать сколько здесь можно заработать. Получались сущие копейки. Нет, народу, пришло много, только большую массу зрителей составляли работяги с не работающего «Красного Текстильщика», мелкие служащие, домохозяйки и дети. Среди общей массы выделялась небольшая прослойка с характерными загорелыми обветренными лицами – челночники, хозяева коммерческих лотков. Сидели они ближе к сцене, на местах подороже.

Зал, когда-то огромный и величественный, сейчас выглядел жалким. Половина лампочек в люстрах не горело, когда-то кожаные сиденья были кое-где аккуратно зашиты, обтянуты материей, смахивающей на ту, что висела на сцене. Плюшевый занавес, побитый молью, с вытертыми золотыми кистями по бокам, смотрелся как декорация к пьесе Горького «На дне».

Если бы не дело, Парамонов давно покинул бы это унылое заведение. Он несколько раз вставал со своего места покурить, заглянул в буфет, вернее его подобие. Три столика, лоток с газировкой, пивом, шоколадными сырками, чипсами и чупа-чупсами.

Наконец зрители расселись по местам и началось действие. Свет погас, откуда-то сверху послышалась музыка, перешедшая в хрип – магнитофон зажевал кассету. Наверху, вероятно, пытались вставить другую кассету, свет не включали. Недовольные зрители начали улюлюкать, свистеть, требуя света или зрелищ. Рядом с Олегом кто-то завозился, послышалось чье-то пыхтение и звонкий девичий голос крикнул:

– Лапы убери, козлина!

В заде захохотали, кто-то сострил:

– Темнота – друг молодежи, иди ко мне, я не козел!

Кто-то подхватил:

– Кина не будет, будет...

– Прекратите, как вам не стыдно, здесь дети, – прикрикнул чей-то возмущенный голос, заглушивший последнее слово.

Раздался детский плач, младенца принялись успокаивать, на перебой предлагая конфетку, поп-корн, чипсы и пиво!

– Лучше стриптиз, – отозвался в темноте один из зрителей.

– Где стриптиз? Тут не фига не видно, – возмутился другой. – Свет! Включите свет!

Наконец свет включили, через пару минут наладили музыку и свет снова погас, освещенной осталось только одна сцена. С двух сторон из боковых дверей на сцену выпорхнули несколько девчушек в костюмах, смутно напоминающих что-то восточное. Они сделали вразнобой несколько танцевальных па, которые вероятно, символизировали восточный танец.

Музыка смолкла, на сцене появился упитанный человек в светлом помятом костюме, Олег признал в нем Толстого сразу же, как только он открыл рот.

– Йес! Нашел! – вскрикнул, обрадовавшись, Олег.

Его неадекватная реакция на Толстяка удивила соседей по ряду. Мужик, сидевший через два кресла от него, выразительно покрутил пальцем у виска.

– Добрый вечер, дорогие тулуповцы и тулуповки, я рад видеть такое количество гостей, полный зал зрителей – это не только приятно, но и полезно. Каждый из вас получит ответ на свой вопрос, если только не пробурчит себе под нос! – речитативом проговорил он и добавил, – Зал не пуст, а это значит, мы можем начать, – произнес тоном старорежимного конферансье.

Олег обернулся назад. Полон? Ну, это преувеличение, зал был едва-едва заполнен на одну треть. Толстый продолжал «растекаться мысью по древу» – он вкратце изложил биографию мага и экстрасенса, выложив стандартную версию. Рос обычным мальчиком в приемной семье, авария, голоса, паранормальные способности. В один из дней к нему «явились» люди в белом

и рассказали, что родители ему неродные, его родители живут на Тибете. Он отправился туда, жил в монастырях, изучал древние трактаты, развивал свои способности и прочее и прочее.

– А сейчас, поприветствуем нашего гостя, – крикнул Толстый, захлопав в ладоши.

Зрители захлопали, и Олег снова повернулся к сцене. Там, освещенный прожектором стоял Скелет. На его тощих бедрах висел кусок ткани, на голове чалма. На впалой груди Скелета болталась цепочка с какой-то фигуркой, смахивающей на брелок от ключей. Без одежды он оказался не худым, а дистрофично тощим. Прозвище Скелет, которым наделил его Олег, соответствовало действительности. Кожа Скелета почему-то была красного цвета, вероятно, так он себе представлял цвет горного загара, который должен быть у жителей Тибета. Голые ноги покрасить забыли и они ярко выделялись своей бледностью на фоне остальных оголенных частей тела тощего.

Скелет сделал руки лодочкой и поклонился сидящим в зале.

– Приветствую с добром и миром собравшихся здесь, – произнес Скелет неожиданно звучным и глубоким голосом.

В зале недружно откликнулись:

– Здрасссь!

– Здравствуйте!

– Добрый вечер!

Скелет отступил на пару шагов от сцены и уселся по-турецки на небольшой циновочке, постеленной на пол сцены.

Толстый снова выскочил на сцену и, потирая руки, произнес:

– Сейчас Ибен-бетта погрузится в себя, выйдет на внешний космический уровень и будет готов работать. Прошу соблюдать тишину в зале. Ответы будут передаваться через меня. Пожалуйста, вы можете задать вопрос о творческой биографии нашего гостя. Заранее хочу предупредить, что все просьбы об излечении, нахождении и прочее будут рассматриваться в порядке живой очереди. Внеочередное право имеют ветераны войны и труда, герои-подводники и отцы, награжденные почетным знаком «Мать-героиня»!

Ибен-бета воспринимает всю информацию через бумажные купюры. Бумага сохраняет всю энергетику и позволяет влиять на ауру, обращаться к холодаймам. Лучше всего контакт происходит на уровне пятидесяти рублевых, сторублевых купюр. Перед началом сеанса вы должны подержать купюру в ладони, подумать о том, что вас беспокоит, и передать свою просьбу, вместе с трансформатором энергетики в руки Ибен-бетте-шао-линю.

Олег усмехнулся, ищите дураков. Хотя, надо отдать должное, Толстяк напустил туману, смешав в одну кучу различные несовместимые для специалиста понятия из всех учений, времен и культур. Парамонов ждал, клонет кто-нибудь или нет? Толпу нужно было разогреть, так просто со своими кровными расставаться никто не захочет.

Тут с места поднялся какой-то вихрастый пацан в больших роговых очках, типичный зубрилка-отличник.

– Скажите, как вы относитесь к идеям Блаватской?

Толстый засеменил к сидящему Скелету наклонил свое ухо к его губам и вернулся на свое место.

– Это некорректный вопрос – обсуждение взглядов и идей других людей отвлекает человека от созерцания своего собственного центра мироздания. Извините, но таким был ответ.

– А шамбала есть?

– А, правда, что можно приворожить человека?

– А вы не встречали там снежного человека?

– А когда «Красный текстильщик» заработает? – крикнули откуда-то сверху.

Толстый вернулся с ответом, правда, Олег ничего не понял, пришлось переспрашивать у соседа:

– Как только Рыжий покинет залив.

– Точно! Молодец! Вот дает! – зааплодировали зрители.

– Кто это? – поинтересовался Олег, у сидящего рядом мужика.

– Старый директор фабрики – рыжий. Никак его не выпрут с должности. А в кабинете у него на стене фотообои – залив, море, скалы, чайки.

– А... Как... Что... – вопросы посыпались как из рога изобилия. Олегу показалась, что вопросы были заготовленными, отрепетированными, словно кое-кто из зрителей читает по бумажке. Может, так оно и было, Олег знал этот прием, частенько использовал его. Парочка пенсионеров или младенцев со смышленными физиономиями получала небольшую сумму, задавала вопросы и получала на них ответы. Действовали они для разогрева публики, придавали шоу динамичность и достоверность.

Наконец начался исход жаждущих к источнику светлой энергетики.

Вначале поднялась какая-то толстая тетка, она сунула купюру Ибн-бетте и через пару секунд уже возвращалась обратно, рассказывая сидящим громким шепотом:

– Правду, правду сказал.

За толстой теткой в зал спустился мужчина в кепке, вернувшись, он тоже поделился с сидящими в зале:

– Точно, я куда-то сберкнижку на предъявителя засунул, а он, – мужик махнул рукой на экстрасенса, – говорит, поищи в шифоньере, на второй полке, где жена простыни держит. Я так и знал, что эта стерва стащила. Мало ей заразе, что зарплату всю до копейки домой приношу, так еще и на заначку руку подняла.

Народ тоненьким ручейком потек вниз на сцену, Кто-то возвращался притихший, кто-то веселый, кто-то недоуменно пожимал плечами, переваривая услышанное.

Сумма, которую по подсчетам Олега собрала парочка, была хоть и не весь какими деньгами, но довольно приличная. Если таким образом провести пару сеансов в день в разных отдаленных друг от друга районах, можно жить. Не на Французской Ривьере, конечно, отдыхать, но на пиво с воблой хватит. Олег рассчитывал на то, что масштабность его планов соблазнит парочку и они без колебаний согласятся работать с ним. Олег, естественно, не собирался делиться всеми своими доходами, но то, что он мог предложить Толстому со Скелетом было определенно больше их нынешнего бюджета.

Оставалось только дожждаться окончания сеанса и зайти к ним в гримерку, Олег взглянул на часы и зевнул, ничего интересного не предвидится, придется поскучать некоторое время. Однако Олег ошибся, дальше события приняли совершенно другое развитие, что стало полной неожиданностью для лжеэкстрасенса и его конферансье.

Дверь в зал раскрылась, и на сцену выскочил растрепанный возбужденный краснорожий мужик, билетерша, пытавшаяся догнать его, споткнулась на одной из ступенек и грациозно растянулась, явив миру свои давно уже не стройные ноги и несексуальное белье с начесом. В зале загоготали.

Мужик кинулся к Скелету с криком:

– Отдай полтинник, гад!

– Эй, товарищ, прекратите нарушать мероприятие! – попытался оттащить мужика от экстрасенса Толстяк. – Объясните, в чем дело.

– Дело? Деньги верните!

– П-позвольте, какие деньги? – переспросил Толстый, поправляя на голове прическу, состоящую из трех редких кудряшек. – Извольте объясниться, сейчас же. С чего это мы вам должны отдавать деньги?

– Аааа, – дико заорал мужик, кидаясь уже на Толстяка, – вы все тут мафия, заодно!

На сцене появился милиционер, приведенный, вероятно, администрацией клуба.

– Гражданин, нарушаем? – лениво поинтересовался милиционер?

– О, милиция, меня ограбили, только что! – крикнул мужик, – Вот этот гад! – он указал на продолжавшего сидеть все в той же позе Скелета, – через этого му... – красномордый кивнул на Толстого, – передал, что мой самогонный аппарат у Клавки, жены моей, на балконе! Я ему полтинник свой отдал, кровный! Домой к Клавке, на балкон. Там нет ничего. Я ей в морду, она в крик. А тут сосед пришел, я ему, оказывается, аппарат по пьяни отдал! Верни деньги гад! – снова кинулся мужик к экстрасенсу.

Народ в зале заволновался. С места поднялась какая-то тетка и зычным голом обратилась к собравшимся:

– Подержите пока этого голубчика здесь, я домой сбегая, проверю. Мне тут недалеко, в соседний двор.

Зрители в зале разделились на две части, одна кинулась блокировать входы и выходы, чтобы парочка не сбежала, вторая – бросилась по домам проверять предсказания экстрасенса.

– Товарищ милиционер, товарищ милиционер, это какая-то ошибка, – кинулся, к спускающемуся со сцены, милиционеру Толстый. – Куда же вы, гражданин начальник? Не допустите кровопролития, суда Линча... Они же нас того... – заскулил Толстый в спину удаляющемуся представителю власти.

«Дело швах», – подумал Олег, разглядывая враз помрачневшие лица зрителей, собравшихся перед сценой. Ждали гонцов с известиями, Олег понимал, что еще пару минут и Толстому со Скелетом мало не покажется, а ему придется искать других компаньонов.

Олег повертел головой, раздумывая, что предпринять, глаза его остановились на рубильнике света. Выключить свет? А двери? Толстого со Скелетом так просто не выпустят. Решение пришло мгновенно, Олег достал пластмассовую расческу из нагрудного кармана, засунул ее в пачку с сигаретами, чиркнул зажигалкой и аккуратненько положил ее в проходе, поближе к зрителям. Сигареты занялись дружно, огонь добрался до пластмассы. Появился характерный запах и тоненький дымок.

Олег спустился к рубильнику. На него никто не обращал внимание, так как все взоры были обращены к сцене, кольцо мстителей вокруг которой сжималось все плотнее. Парамонов щелкнул рубильником и диким голосом завопил:

– Караул, пожар! Горим, бомба! Помогите! А-aaa!!!

Трудно сказать, что сыграло решающую роль: выключившийся свет, запах паленой пластмассы или дикий ор Парамонова. Народ ринулся к дверям, сметая на своем пути ряды кресел, отпихивая и топча друг друга. Олег, воспользовавшись суматохой, в два прыжка поднялся на сцену, нащупал в темноте Толстого, приказал Скелету:

– За мной, что примерзли, жить надоело? Где служебный выход? Бегом.

Через минуту троица неслась по длинным коридорам и выскользнула на улицу. Причем Скелет оказался в набедренной повязке на голое тело и чалме, босиком.

– Кепочка, моя кепочка, – скулил он, вырываясь из рук Толстяка, пытавшегося его удержать.

– Жорик, туда нельзя, там засада, они нас там ждут... Жорик, Жорик... они нам не простят, – увещевал его приятель.

Из дворика необходимо было поскорее убраться, так как народные мстители, наверняка, разобрались, что никакого пожара нет и скоро будут здесь. Однако стащить упиравшегося Скелета с места, против его воли, было непросто.

Олег начал терять терпение, он размахнулся и шлепнул Скелета по физиономии, приводя в чувство:

– Послушайте, любезный, я вам куплю, шапку, только уйдемте отсюда.

– Кепка, кепочка, – бормотал Скелет, то ли в роль экстрасенса вошел и никак не мог из нее выйти, то ли перепугался очень, такое бывает.

– Да хоть шапку-ушанку, хоть каску пожарного! – в сердцах бросил Парамонов, отрывая от земли легкое, как оказалось, тело Скелета. – Вперед, – приказал он Толстому, – на дорогу. Ловите такси. Стойте, дайте пиджак, накинem на его.

Толстяк дрожащими руками, потный от возбуждения или страха, путаясь в пуговицах, снял пиджак и засеменил к дороге. Олег с ношей на спине бросился за ним.

– Тормозите, любую, – бросил он Толстому, заворачивая на ходу Скелета в пиджак.

«Любой» оказался микроавтобус похоронного бюро, к счастью, пустой. Толстяк забрался в салон автобуса, Олег передал ему свою ношу и забрался внутрь сам:

– Гони в центр, за скорость надбавлю, – произнес он, показывая водителю купюру.

Проехав небольшое расстояние, микроавтобус остановился.

– Чего встал? – недовольно произнес Олег, выглядывая на дорогу.

– Пробка, дорогу какие-то идиоты перегородили, машины проверяют.

– Мы пропали, нас ищут, – по-бабьи тоненько взвизгнул Толстяк, – это, наверное, зрители!

Толстячок оказался прав, разозленные зрители, уставшие от бесконечных обманов со стороны властей, родных, соседей, перегородили дорогу, в надежде отыскать в проезжающих автомобилях своих врагов. Зрители, пришедшие на выступление поодиночке объединились, теперь они представляли собой толпу, разъяренную толпу, у которой сразу же появились руководители, идейные вожди.

Олег цыкнул на Толстяка, заставил его замолчать, нытье мешало сосредоточиться.

– Вас что ли ищут? – уточнил шофер, обернувшись к своим пассажирам.

Олег молча кивнул и достал из кармана еще одну купюру, большего достоинства.

– Придумай, что-нибудь, – предложил он, – разрывая купюру на половинки. – Эта часть тебе сейчас, вторую получишь как нас вывезешь отсюда.

В борьбе между алчностью и осторожностью выиграла алчность, – шофер протянул руку за половинкой, нырнул куда-то под сиденье и что-то достал. Это оказались две черные косынки и небольшой пластмассовый веночек.

Олег, усмехнулся. Он протянул косынки Толстому и Скелету, те послушно натянули их на себя. Веночек Олег оставил себе.

– Ну с богом, поехали! – приободрил сам себя шофер.

Микроавтобус был остановлен, Олег с венком в руке высунулся из салона:

– Имейте уважение к семье покойного, такое горе, а вы...

Несколько добровольцев, смущенные словами Олега, мельком взглянули на двух убитых горем родственников и пропущен вперед.

Дальше доехали без приключений. Олег велел шоферу притормозить в соседнем дворе, чтобы не привлекать внимания соседей. Он расплатился с водителем и обернулся к своим спутникам:

– Тугодумская, пять, квартира пятьдесят. Жду вас через три минуты. Не перепутайте, пять – пятьдесят!

Олег решительным шагом направился к своему дому, вежливо поздоровался с встретившейся соседкой и поднялся к себе. Олег вышел на балкон, с которого был прекрасно виден соседний двор. Придут или нет? Толстый что-то втолковывал Скелету, размахивая руками. Скелет не соглашался, собираясь уходить. Толстый махнул рукой и направился к дому Олега. Скелет, сделал пару шагов в сторону, оглянулся и присоединился к другу.

Через несколько минут в дверь позвонили, Олег молча впустил гостей в квартиру.

– Здравсьте, – переминаясь с ноги на ногу, произнес Толстяк, – мы вот... это... пришли.

– Проходите, по коридору направо, – пригласил Олег гостей, – я сейчас факиру нашему штаны поищу, а то как-то неудобно с голой задницей вести деловые переговоры, несерьезно, – усмехнулся Олег, скрываясь за дверью одной из комнат.

Он вынес слегка потертые джинсы, клетчатую рубаху:

– Ванная вторая дверь слева, – проговорил он, передавая Скелету, – если хотите, можете помыться – чистое полотенце в шкафчике, наверху. Только бритву мою не трогать, руки оторву. Понятно?

Мужчина молча кивнул и вышел из комнаты.

– Что будете пить? – поинтересовался Олег, – за знакомство.

– Кефир, – откликнулся Толстяк, на предложение Парамонова.

– Кефир? – удивился Олег, – такой дрянью не балуюсь и вам не советую. Минералка подойдет? – уточнил он.

– Спасибо, – отозвался Толстый.

– Ну, вы располагайтесь, а я сейчас, – Олег направился на кухню, приготовить выпивку и закуску.

Гость, воровато оглянувшись на дверь, тихонечко подобрался к пиджаку хозяина квартиры, висящему на спинке кресла. Его рука опустилась в нагрудный карман и выловила толстый кожаный бумажник с золотым тиснением. Он ловко выхватил пару купюр и водворил кошелек на место.

Занятый своими манипуляциями, гость не мог знать, что все его действия отражаются на полированной поверхности стенки и хорошо видны из кухни. Олег, намеренно оставивший «пиджак с карманами», где деньги лежат на видном месте, в приоткрытую дверь наблюдал за грабежом в своем собственном доме.

Олег достал из холодильника бутылку водки, бутылку минеральной воды, выложил на поднос нехитрую холостяцкую закуску: сыр, колбаса, шпроты, зелень и вернулся в комнату.

Хозяин ловко расставил журнальном столике принесенную снедь, смахнул пыль с рюмочек и устроился в кресле, приглашая к трапезе Толстого:

– Пропустим по рюмашечке, пока ваш тибетский друг приводит себя в порядок. А с чего вы решили, что потомок тибетских лам должен быть красного цвета? Если мне не изменяет память, краснокожими были индейцы? – ехидно поинтересовался он.

Толстяк не ответил.

– Хм, в молчанку играть будем? Ну, ладно. Каждый обслуживает себя сам, – добавил Олег, наливая себе водки.

Толстяк сел напротив Олега и глазами путника, томящегося в пустыне от жажды, взглянул на водочку. Он тяжело вздохнул и налил себе минералки, выпив ее залпом. Лицо его сморщилось, будто он только что-то отведал кузнечиков в собственном соку или крысячие хвостики в слюне игуаны – (прошенья просим, за столь неаппетитное сравнение, у читателя, но реакция Толстяка была именно такой. Знающие люди утверждают, – страшная гадость: и первое, и второе, есть можно только при условии неминуемой голодной смерти).

Олег хмыкнул, глядя на страдания гостя, и сказал:

– Чин-чин, – опрокинул стопочку в рот.

Толстяк громко сглотнул слюну, наполнившую рот, тут же налил себе вторую рюмку минералки и залпом выпил.

Дверь скрипнула на пороге появился отмытый и одетый в цивильное Жорик.

– А вот и наш краснокожий, теперь уже бледнолицый друг, присаживайтесь – воскликнул Парамонов, указывая на место рядом с собой.

Отмытый от красной краски Жорик, действительно, был очень бледным, нездорово бледным.

Олег протянул руку к бутылке с водкой, чтобы наполнить стопку вновь прибывшему, но его опередил Толстый:

– Он не пьет, только кефир, – произнес Толстяк.

– Понятно, значит минералку. Ну это сами себе нальете, у меня на такое рука не поднимается.

– Мы конечно вам благодарны за спасение, но хотелось бы расставить все точки на и, так сказать, – заявил Толстяк, – Если вы рассчитываете, что мы с вами поделимся заработанными деньгами, вы ошиблись. Заработали мы сущую мелочь, так что ничего, кроме большого человеческого спасибо, сказать вам не можем. За штаны тоже спасибо. Мы вам завтра же их вернем, а сейчас нам пора. Георгий, положи на место бутерброд мы уходим, – обратился к другу Толстяк и поднялся с места.

– А вы как я вижу, уважаемые, делиться не любите, – произнес Олег, с шумом ставя стопку на стол. – С Кондратом делиться тоже не желаете? Не боитесь?

Толстяк побледнел и сел на место, руки его задрожали, он схватил со стола стопку и плеснул себе водки, выпил залпом, плеснул и снова выпил, только потом закусил и ответил:

– К-какой-такой Кондрат? Вы нас, наверное, с кем-то путаете.

– Ага, путаю. Давно под экстрасенсов работаете? А лотереями промышляете давно? – рявкнул Олег, – в глаза смотреть, отвечать, оба! – Олег стукнул ладонью по столешнице. Тарелки подпрыгнули, стопки дзынкнули, бутылка с водкой накренилась, но вернулась в исходное положение.

Скелет замер с бутербродом во рту, а Толстяк попытался вскочить с места. Парамонов резко вытянул ногу и пнул ножку кресла, на которой сидел Толстяк, ножка подломилась, кресло опрокинулось, увлекая за собой упитанного гостя.

– Ты кому мозги паришь, падла, ты кому муму сделать хочешь? Да я тебя, вот этими руками на кусочки порву и жрать заставлю, да... – орал Олег, удачно имитируя бешенство.

– Да мы... да нет... да... – пытался оправдаться, не вылезая из-под кресла Толстый, – извините, мы вас не за того приняли.

– Ладно, – вдруг успокоившись, произнес Олег, подавая Толстяку руку, помогая подняться с пола. – Документы покажите? – вдруг спросил он.

– Чего? – удивился Скелет, а Толстый опять покосился на дверь, собираясь бежать.

– Читайте по губам: п-а-с-п-о-р-т-а. Должен же я знать, кто у меня в гостях сидит, может вас за массовые убийства Интерпол разыскивает.

Глаза Толстяка округлились:

– Да вы что, какой Интерпол? У нас ни одного привода в милицию...

– Ну, это пока, – перебил его Олег. – Я жду! Хочу на ваши рожицы посмотреть с официальной печатью.

– А если у нас с собой нет? – буркнул Толстый, не собираясь сдаваться.

– А если нет, тебя в залог оставим, а его пошлем за документами. Пока он ходить будет, мы посидим, поговорим, подружмся, может быть.

Толстяк вздохнул, перспектива остаться в заложниках его не радовала, он нехотя полез в карман и вытянул две замусоленные красные книжицы.

Олег раскрыл первый паспорт. На него, с фотографии глядел толстяк, такой каким он был лет десять-пятнадцать назад.

Олег прочитал фамилию и имя:

– Толстов Антон Антонович, понятно. Будешь Толстым – и тебе привычнее, и я не ошибусь.

Скелет согласно паспорту был Георгием Валентиновичем Набейбрюхо.

– Извини, Георгий Валентинович, но на Набейбрюхо ты не тянешь, будешь Скелетом. Пока, а там посмотрим. Разрешите представиться, Олег Константинович Парамонов. Можно Олег, если у меня будет хорошее настроение. Будем знакомы. Давно за вами наблюдаю, парни, и решил, что вы мне подойдете. Не надоело, что вас все время по морде лупят и деньги зара-

ботанные отнимают? – весело произнес Парамонов, разливая по стопкам водку, теперь уже на всех.

Скелет, язык которого развязала выпитая стопка, в промежутках между откусыванием и прожевыванием бутербродов, жаловался на жизнь:

– Надоело, страсть, как надоело, то голый, то красный, то по улицам мотайся в дождь, то по квартирам. Жрешь не вовремя, спишь, где придется, и быют. Знаете как они быют, Олег Константинович? За полтинник готовы убить человека.

– Ну, тогда беру вас в долю. Будем делить по справедливости с каждого дело моих восьмидесяти процентов, ваших – двадцать: по десятке на брата. Сумму раз в двадцать больше ваших, согласны?

Толстый со Скелетом дружно закивали головами.

– Только у меня условия: своих не обманывать, не грабить, не ныть, слушать меня и в точности, в точности выполнять, что я скажу. Если кто-нибудь из вас что-нибудь выкинет, пеняйте на себя. Вы только подумаете, а я уже буду знать, ясно?

– Честное слово, мы согласны, – за себя и за Толстого поспешил ответить Скелет.

– Ты понятно, а пусть Толстый сам за себя скажет, согласен, если нет – скатертью дорога, вам замену найти – раз плюнуть.

Толстый закивал головой:

– Конечно, согласен.

– Ну раз согласен, – произнес Олег, выкладывая тогда деньги на стол. На первый раз прощаю...

– Какие деньги? – произнес Толстый, преданно глядя в глаза Олегу.

– Те, которые ты из моего пиджака вытянул.

Толстяк покраснел, заерзал, опустил глаза:

– Олег Константинович, вы меня извините, я случайно... так, черт попутал. А я что, я ничего. Я сам собирался отдать, думал, положу на место незаметненько, когда вы выйдете... А как вы догадались, Олег Константинович?

– Я же сказал, способности у меня такие, экстраординарные, последствия аварии в детстве. Глаз – рентген, насквозь просвечиваю!

Последние слова были шуткой, но Скелет и Толстый, так поддались обаянию Олега, что приняли все за чистую монету. Когда Олег вышел на пару минут, Скелет, поедая очередной Бутерброд, произнес:

– А я думал, что экстрасенсы, фигня, выдумка. А тут гляди как, на самом деле. Эх, мне бы такие способности. Я бы в «русское лото» играл.

Толстый ничего не ответил, хотя бился над той же загадкой: как Парамонов, не прикасаясь к пиджаку, узнал о краже? В отличие от Скелета, во всякую чушь о третьем глазе и способности читать мысли на расстоянии, он не верил. Скорее всего, у Парамонова здесь видеокамера, а на кухне монитор. А что, очень удобно за гостями присматривать, чтобы кто-нибудь чего-нибудь не стырил. Людям верить нельзя, гостям, тем более. Толстый решил, что впредь будет острожен. Он все еще не сомневался: правильно ли они поступают, доверяясь Парамонову? Время покажет.

Несколько часов Олег посвящал новых знакомых в свои планы.

Не будем утомлять читателей подробным перечислением всех проектов, возможно, большинство из предложенного в тот вечер, так и не будет воплощено в жизнь. Скажем несколько слов только об одном, достойном упоминания. Тем более, что к его реализации Олег и его компаньоны должны были приступить со следующего дня.

– Мужики, как вы к пирамиде относитесь? – поинтересовался Олег.

– В смысле? – переспросил Толстый.

– Я нетрадиционным сексом не занимаюсь, хи-хи! – поспешил вставить Скелет. От съеденного и выпитого за вечер, его мысли настроились на «лирическую» волну.

Толстый ногой ткнул под столом Скелета, призывая его к молчанию.

– Жорик, ты не прав, иногда это бывает интересным. Но впрочем, я не об этом, – отозвался Олег. – Финансовая пирамида, Поле чудес в стране дураков!

– Мэ-Мэ-Мэ? – уточнил Антон Антонович.

Олег кивнул головой:

– Правильный ответ, получаете пять баллов из пяти возможных.

– Я против! Все уже ученые, дураков нет. Кому охота второй раз голову в мышеловку засовывать, – заявил Толстый.

– Антон Антонович, вы слишком хорошо думаете о людях, поэтому, кстати, вас так часто бьют. Психолог из вас, как из дерьма пуля, – усмехнулся Олег. – Халява – это врожденная болезнь нашего человека, независимо от его пола, возраста и расовой принадлежности.

Скелет, от понимания которого уже начал ускользать смысл сказанного, положил отяжелевшую голову на столик, аккуратно поместив ее в центре тарелки с бутербродами и тихонечко засопел.

– Ну, не знаю, – развел руками толстяк, – мне кажется, что популярность всего этого прошла. Народ переболел и приобрел стойкий иммунитет.

– А вот мы с вами это и проверим, – отозвался Олег. – Начнем прямо с завтрашнего дня, а сейчас спать. Жорик вон уже отбился. Давайте перетащим его на диван, а вы спать будете в соседней комнате. Ночевать, как я понимаю, вам негде?

– Ну почему же... – обиделся Антон Антонович. – Сейчас тепло, мы в парке ночуем, в домике летней эстрады. У меня там сторож знакомый.

– Может, вас домой тогда отвезти? – уточнил Олег, направляясь к двери.

Толстый перебил Олега:

– Да нет, лучше мы тут. У Скелета бессонница, если сейчас разбудим, он не заснет.

Олег глянул на спящего в позе эмбриона тощего Скелета и вышел из комнаты.

Перед сном, принимая душ и разглядывая свою физиономию в зеркале, Олег разговаривал вслух сам с собой:

– Ну, что, Иван Иванович, съели? А, фиг вам! Парамонов еще выплывет, вы еще сами ко мне извиняться прибежите!

* * *

Утро в квартире пятьдесят началось с небольшого скандалчика. Проснувшись первым, совершенно не помнившим вчерашних событий, Скелет искал свою кепку.

– Где моя вещь?! – возмущенно кричал Жорик, отодвигая кресла, диван. – Где моя кепка?

На крик из своих комнат выскочили Олег и Толстый.

– У тебя совесть есть? – прикрикнул Парамонов на разбушевавшегося гостя, – так орать в семь часов утра! Нормальные люди спят, а ты орешь, как резанный.

– Ты кто? – уставившись на рослого молодого парня в трусах, удивленно спросил Скелет. – Пошел вон! – добавил он.

Нужно уточнить, что реакцией скелетового организма на алкоголь была временная потеря памяти и дезориентация в пространстве. Набравшись, Скелет никогда не буянил, он вырубался и, проснувшись наутро, был твердо уверен, что находится у себя дома. Поэтому, не найдя своей любимой кепки и обнаружив посторонних в своем доме, хотя своего дома у Жорика не было лет пятнадцать, недоумевал. Толстый прекрасно изучил своего друга и старался в меру своих сил уберечь друга от алкоголя. Но вчера, неожиданность предложения,

перспективы дальнейшей жизни, так выбили Толстого из колеи, что он потерял контроль над ситуаций. Набравшись сам, он позволил набраться товарищу.

Парамонов не знал таких особенностей Скелета. Его внутренне «я» возмутилось такому хамству, его левая рука, на полном автомате, поднялась, сжалась в кулак и, словно снаряд из пращи, отправилась точно в лоб нахалу. Скелет взмахнул своими тоненькими ручками и без звука упал на пол в прихожей.

– Ты что, ты что?! – завопил от ужаса, глядя на бездыханное тело товарища, Толстый, – Ты убил его!!! Скелет, Скелетушка!!! Жорик, Жоринька, ты живой? – вопил толстяк, пытаясь привести Скелета в чувство.

– Сам виноват, нечего было хамить, – виновато отозвался Олег. – У меня на такие вещи мгновенная реакция – в торец и амба!

– Чего хамить, чего хамить! Я же говорил, только кефир! Ему пить нельзя у него реакция! – чуть не плача, объяснял Толстый.

– Ладно не ной, дай я посмотрю, – Олег наклонился над телом Жорика, нащупал пульс. – Живой, в нокдауне, сейчас водичкой побрызгаем – оклемается, – пробурчал он, отправляясь на кухню. Вернулся Олег через пару секунд с литровой кружкой, полной воды.

– Отойди, – приказал он Толстому и плюхнул содержимое кружки на лежащего.

– Хватит, утопишь его! – вмешался Толстяк.

Скелет слабо застонал, пошевелился и открыл глаза:

– Доброе утро, Олег Константинович, – произнес он, – Извините, я что до туалета не добежал? – пробормотал он, чувствуя под собой хорошую лужу.

– Доброе, доброе, – буркнул Олег. – Живой? Голова не болит?

– Спасибо, немного кружится. Я что, споткнулся и головой стукнулся? – удивился Скелет, потирая огромную шишку выступившую на лбу.

– Ага, споткнулся, о мой кулак, ты уж извини, нехорошо получилось, – Олег не стал уточнять, как произошел несчастный случай, оставляя Толстому почетное право на пересказ событий, – ты это, давай поднимайся, я пойду посмотрю что у нас из еды осталось. – Толстый, помоги ему, – приказал Олег.

Толстяк помог подняться Скелету и проводил его в ванную, Парамонов не стал слушать, какую версию произошедшего предложит Толстый.

Через час, перекусив чем было, компаньоны курили на балконе, обсуждая план работы на день.

– Так, первым делом, вас нужно приодеть и поселить в гостинице. Какая сама крутая в Тулупинске?

– Хорошо бы в «Тулупинск-отель», – мечтательно проговорил Скелет, – там такие борщи варят и хлеба можно брать сколько угодно на вынос, и порции там полуторные.

Толстый цыкнул на приятеля:

– В «Тулупке» только командировочные останавливаются, да фермеры. Это бывший Дом Колхозника, клоповник! Приличные люди там не живут.

– Нет, это нам тогда не подходит. Георгий, запомните, на время, вы бизнесмены, в самом лучшем смысле этого слова. Ни каких Скелетов и Толстых. Антон Антонович и Георгий Валентинович. Никаких дешевых забегаловок с хлебом на вынос. Вы должны поселиться в самом дорогом номере, привлечь к себе внимание, сорить деньгами.

Вы приехали в Тулупинск по моему приглашению, ищите место под Мульти-ленд и Центр развлечений для взрослых. Казино, «Мулен-руж» и прочее, и прочее... надо, чтоб вас заметили, обратили на вас внимание... Ясно?

Новоявленные бизнесмены дружно закивали головами.

– Тогда нам нужно в «Интуртулуп», – предложил Толстый, – там у нас все делегации останавливаются, там еще бар со стриптизом есть.

– Годится, только название какое-то странное, не солидное.

– Так это сокращенное, бывший Интурист. Его еще при социализме строили, к нам ведь на Красный Текстильчик из всех стран соцлагеря приезжали делегации. Тем более, что у нас места замечательные, исторические... Деревянные кружева, по телевизору не смотрел? Нас еще хотели в это, в Золотое Кольцо России. Только у них там чего-то не срослось. Гостиниц у нас маловато, хотели строить... Да, перестройка началась, все так и заглохло. Один «Интуртулуписнк» остался.

Парамонов отрицательно покачал головой, за те несколько дней, что он жил в Тулупинске об исторических достопримечательностях не слышал, по ящику никогда таких передач не смотрел. Информацию, однако, принял к сведению.

Полдня было потрачено на придание приятелям столичного лоску и вида преуспевающих бизнесменов. С Антоном Антоновичем все было просто – на его выбритых толстых щеках играл румянец, шляпа, придавала ему солидности. Дорогие подтяжки поддерживали выпирающий животик, завершали образ удачливого бизнесмена. С Георгием дело обстояло сложнее. Во-первых, вся магазинная одежда смотрелась на нем как с чужого плеча: либо слишком широкая, либо слишком короткая. Во-вторых, Георгий потребовал себе новую кепку, которая в сочетании с костюмом выглядела просто ужасно. В-третьих, худое, бледное лицо: никак не вписывалось в облик преуспевающего человека. С таким лицом хорошо просить милостыню или подавать жалобу в Комиссию по защите прав человека при ООН. Самое забавное было то, что Набейбрюхо ел много и часто, количество съедаемой им пищи было бы достаточно для двух или трех здоровенных мужиков. Где все это бесслезно исчезало или оседало в организме Георгия, Олег не представлял. Как говорил сам Георгий:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.